

Алиса Солнцева

РАЗВОД В 65:

Север измену не прощает

Алиса Солнцева

Развод в 65: Север измену не прощает

<https://litres.ru/74535588>

Аннотация

- Дашенька, ты опять забыла выключить плиту? Совсем память сдает, - сочувственно вздыхает мой муж, мягко забирая у меня чайник. Я смотрю на его благородную седину, слушаю бархатный голос. Он идеален. Уважаемый в городе бизнесмен, заботливый супруг, опора семьи. А в моем кармане прямо сейчас лежит длинный белый волос и чек на обслуживание его снегохода, который я полчаса назад достала из кармана эксклюзивной шубы его молодой любовницы. Шубы, которую она сдала мне в гардероб.

Сорок лет брака. Сорок лет я была его надежным тылом, добровольно уйдя в тень, чтобы он строил свой бизнес. А теперь он методично сводит меня с ума. Подменяет таблетки, прячет мои вещи, жалуется нашей дочери на мою начинающуюся «деменцию». Мой муж планирует признать меня недееспособной, запереть в интернате и сбежать с любовницей, прихватив все наши деньги. Он думает, что я старая, сломанная вещь.

Но Аркадий забыл главное. Здесь, на Севере, женщины не сходят с ума от горя. Мы замерзаем до такой степени, что

перестаем чувствовать боль. И начинаем видеть в темноте. Я не буду устраивать истерик. Я не буду бегать по судам. Я заберу свое, даже если ради этого придется шагнуть в эпицентр смертельной ледяной бури.

В тексте есть: *# измена мужа и предательство (без права на прощение) *# умная и сильная героиня (возраст - ее главное оружие) *# тонкий газлайтинг (муж не тиран с кулаками, он действует хитрее) *# настоящий мужчина рядом (взрослые отношения, поступки вместо слов) *# выживание на севере (атмосферно и очень холодно) *# умная месть (без долгих судебных тяжб и адвокатов)

ХЭ для героини гарантирован.

Содержание

Глава 1. Следы на снегу	5
Глава 2. Мягкие стены	15
Глава 3. Крыса в подвале	23
Глава 4. Покупка души	32
Глава 5. Мертвая красота (Аркадий)	43
Глава 6. Математика узлов	53
Глава 7. Безумие по заказу	64
Глава 8. Координаты тайника	73
Глава 9. Собачье сердце	83
Глава 10. Анонимный удар	92
Глава 11. Запах паники	100
Глава 12. Разрезанная пуповина	112
Глава 13. Черная пурга	119
Глава 14. Ц	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Глава 1. Следы на снегу

Одежда никогда не лжет. Люди наивно полагают, что стоит накинуть на плечи итальянскую шерсть, укутаться в непродуваемый кашемир или спрятаться за редким мехом, как их истинная суть надежно скроется от посторонних глаз. Они думают, что покупают себе новый статус, новую непробиваемую кожу. Но изнанка всегда выдает правду. По неравномерному весу пальто, по оторванной петельке, по скоплению мелкого мусора на дне карманов и, главное, по запаху воротника я могу прочесть человека так же легко, как открытую книгу.

Здесь, в цокольном этаже торгового центра «Северное сияние», я - невидимый архивариус чужих тайн. Мое царство пахнет мокрой овечьей шерстью, талым снегом, резиной зимних сапог и пережженным кофе из автомата, стоящего у эскалатора. Это нижний мир нашего северного города, зажатого между черными скалами и вечно дымящимся, незамерзающим морем. Сюда спускаются, чтобы оставить тяжесть зимы на моих стойках и подняться наверх, к неоновому свету бутиков, налегке. А я остаюсь внизу.

Я сижу на высоком рабочем стуле за длинным барьером гардероба. Моя спина выпрямлена, плечи развернуты. Единственная уступка возрасту и стоячей работе - дорогие, массивные ортопедические ботинки на толстой рифленой по-

дошве. Я купила их сама, втайне от мужа, долго выбирая колодку. На Севере экономить на ногах - значит добровольно сдать себя в утиль. Я не жалею на гудящие к вечеру икры. Я просто делаю свою работу.

В минуты затишья, когда поток посетителей иссякает, я вяжу. Аркадий, мой муж, называет это «милым старческим ковырянием», снисходительно похлопывая меня по плечу перед гостями. Если бы он только знал, насколько сильно ошибается. Вязка традиционного поморского свитера - это не бездумное перебирание металлических спиц. Это строгая, безжалостная математика. Лицевая, изнаночная, три петли сбросить на вспомогательную нить, перекрест, накид. Я держу в голове многоуровневую пространственную схему, самый сложный геометрический орнамент, который нельзя нарушить ни на миллиметр. Ошибка в одной петле неизбежно приведет к перекосу всего полотна.

Это вязание - мой способ контролировать реальность. Мой спасательный якорь, доказывающий, что мой разум острее, как и сорок лет назад, вопреки тому, что пытается внушить мне собственный муж.

Ступени эскалатора лязгнули, выплевывая очередную порцию посетителей. В подвал спустилась женщина. Я не раз видела ее в городе, да и здесь, в торговом центре, девчонки из администрации часто шептались о ней. Анастасия Чернова. Аудитор, помогающая местным бизнесменам оптимизировать налоги. Хотя сама она предпочитает, чтобы ее на-

зывали Лавандой. Ей немного за сорок, и она совершенно не похожа на карикатурную содержанку с пустыми глазами. В ее движениях есть хищная, просчитанная грация умной женщины, которая знает цену деньгам и умеет их забирать у тех, кто слабее.

Она подошла к барьеру, принеся с собой сквозняк колючего мороза и шлейф удушающе дорогого парфюма с тяжелыми нотами пачули. Никаких пренебрежительных вздохов или хамских реплик. Она просто сняла с плеч эксклюзивную, струящуюся серебром шубу из полярного песка и положила ее на гладкий пластик стойки. Она смотрела не на меня, а сквозь меня. Для нее я была функцией, частью интерьера, бессловесным механизмом по выдаче номерков.

- Пожалуйста, - ровным голосом произнесла я, принимая вещь.

Я протянула ей тяжелый латунный номерок с выбитой цифрой сорок два. Лаванда подхватила его наманикюренными пальцами, развернулась на каблуках и пошла к лестнице.

Я перекинула шубу через руку. Вес оказался внушительным, словно я держала убитого зверя. Настоящий, густой мех всегда тяжел, но здесь было что-то еще. По должностной инструкции мы обязаны проверять карманы тяжелых зимних вещей, прежде чем вешать их на тонкие плечики. Забытые связки ключей или увесистые смартфоны могут оттянуть ткань, порвать нежный шелк подкладки под собственной тяжестью, и тогда скандала с дирекцией не избежать.

Мои пальцы, привыкшие к слепому чтению рельефа, нырнули в правый карман.

Там лежал холодный кусок металла. Я вытащила предмет на тусклый свет подвала. Это была массивная, защищенная от ударов флешка из оружейной стали. А следом за ней на стойку выпал смятый, небрежно скомканный бумажный чек.

Обычный мусор, который люди машинально суют в карманы после покупок. Я уже собиралась вернуть всё обратно, но мой взгляд, натренированный выхватывать малейшие нарушения в узорах, зацепился за знакомый логотип на скомканной термобумаге.

«Арктик-Хантер». Сеть магазинов моего мужа.

Я разглядела чек подушечками пальцев. Сервисный центр. Услуга: полное техническое обслуживание снегохода, замена гусеницы. Дата - вчерашний день. И чуть ниже, в графе идентификации, был пропечатан государственный номер техники.

Семь. Четыре. Ноль. Два.

Я помнила эти цифры наизусть. Не потому, что я гений, а потому, что именно я последние двадцать лет оплачиваю все счета, транспортные налоги и страховки на его бесконечные игрушки. Это был личный снегоход Аркадия. Тот самый, на котором он якобы уехал на мужскую охоту с компаньонами три дня назад.

Но страшнее чека было другое. От шелковой подкладки кармана, пробиваясь сквозь душный женский аромат пачу-

ли, потянуло едва уловимым, но абсолютно узнаваемым запахом. Резкий, специфический аромат хвои, смешанный с щелочью и сладковатой химией.

Ballistol. Элитная немецкая оружейная смазка.

Аркадий использует только ее. Он часами медитативно чистит свои карабины в домашнем кабинете, и этот запах намертво въедается в кожу его рук, в манжеты его свитеров, в его волосы. Так мог пахнуть только мой муж. И этот запах был здесь, глубоко в кармане чужой женщины.

В дешевых романах пишут, что в такие моменты мир рушится. Что обманутая жена кричит, падает в обморок или бьет посуду. Но Север приучает к совершенно другой реакции на боль. Когда ты проваливаешься под лед в черную, обжигающую воду, кричать нельзя - легкие мгновенно спазмируются от холода, и ты камнем пойдешь ко дну. Нужно плотно сжать челюсти, заморозить панику и искать светлое пятно полыньи.

В моей груди не вспыхнул пожар. Вместо этого я почувствовала, как по венам потек жидкий азот. Сердце сделало один болезненный, тяжелый удар о ребра и перешло на медленный, глухой ритм выживания.

Пазл, который не складывался последние полгода, вдруг собрался в идеальную, ужасающую своей жестокостью картину.

Я вспомнила, как Аркадий смотрел на меня вчера за завтраком. Его бархатный, сочувствующий голос: «Дашенька,

ты снова не выключила конфорку. Ну как же так? Совсем память сдает. Тебе нужно больше отдыхать». Я вспомнила, как не могла найти свои очки для чтения, которые точно оставляла на тумбочке, а он вытащил их из холодильника со скорбным вздохом. Я вспомнила его разговоры по телефону с нашей взрослой дочерью Кирой, где он, нарочито понизив голос, рассказывал о моей «прогрессирующей рассеянности и старческой деменции».

Он не заботился обо мне. Он методично, день за днем, выстраивал непроницаемые декорации моего безумия. Он сводил меня с ума.

Измена - это просто грязь. Мужчины изменяют, так бывает. Но Аркадий не просто завел молодую любовницу. Он планировал убрать меня с доски так, чтобы не делить имущество при грядущем разводе. Сорок лет брака. Сорок лет я была его невидимым тылом, отказывала себе в карьере, вела его бухгалтерию в лихие девяностые, когда за ошибку в цифрах могли убить. А теперь я стала старым, отслужившим свое механизмом, который нужно списать на свалку, предварительно сняв все ценные детали.

Я аккуратно свернула чек. Взяла тяжелую стальную флешку.

Мой взгляд метнулся к камерке администратора гардероба. Михалыч ушел на плановый обход этажей, его не будет минут двадцать. На его заваленном бумагами столе гудел старый системный блок, монитор приветливо светился неза-

паролённым рабочим столом.

Я не хакер из шпионских фильмов. Мне шестьдесят пять лет, но я не выжившая из ума старуха, какой меня пытается выставить собственный муж. Я подошла к компьютеру и вставила стальную флешку в свободный разъем. Затем достала из своей сумки ключи от квартиры. На брелоке висела моя личная, дешевая пластиковая флешка - я всегда носила ее с собой, чтобы распечатывать PDF-схемы сложных узоров в копицентре за углом, потому что читать с бумаги мне было удобнее, чем с экрана телефона. Я воткнула ее в соседний порт.

Экран мигнул. Открылось окно с чужими папками.

«Аудит 2023». «Реструктуризация». «Офшор - Кипр». «Ликвидация Арктик-Хантер».

Они с Лавандой готовили полное фиктивное банкротство сети. Вывод всех активов в неучтенную наличность и на закрытые зарубежные счета. Черная касса. Внутренние документы, таблицы, сканы поддельных договоров. Все то, что должно было оставить меня с нулем на банковском счету и статусом сумасшедшей бабки в дешевом психоневрологическом интернате.

Мои руки не дрожали. Выделить все. Копировать. Вставить на мой накопитель.

Зеленая полоска загрузки поползла по экрану. Медленно. Слишком медленно для старого компьютера. Каждая секунда казалась вязкой, как холодный мазут. Я смотрела на бе-

гущие цифры процентов, и с каждым скопированным мегабайтом моя слепая, многолетняя преданность мужу сгорала дотла. На ее месте рождалась ледяная, расчетливая ярость.

Девяносто восемь процентов. Сто. Копирование завершено.

Я выдернула свою флешку-брелок и спрятала ее в глубокий внутренний карман, поближе к телу. Флешку из оружейной стали и скомканный чек я вернула в правый карман песцовой шубы Лаванды, положив их точно так же, как они лежали до этого. Я повесила вещь на прочные деревянные плечики в закрытой секции гардероба, аккуратно расправив густой серебристый мех. Ни одной складки. Все идеально.

Остаток смены прошел в глухом вакууме. Я выдавала куртки, принимала номерки, кивала посетителям. Я работала как хорошо смазанный, безотказный механизм, пока внутри меня с грохотом перестраивалась целая вселенная.

За полчаса до закрытия торгового центра появилась она.

Лаванда спустилась по эскалатору, увлеченно печатая что-то в телефоне. Она подошла к стойке и, даже не поднимая глаз, бросила латунный номерок номер сорок два на пластик.

Я принесла ее шубу. Она привычным, хозяйским жестом скользнула в рукава, поправила воротник. И в этот момент она подняла глаза.

Наши взгляды пересеклись всего на секунду. Она ожидала увидеть затертую жизнью пенсионерку, прозрачное стек-

ло, удобный обслуживающий персонал. Но я больше не была прозрачной. Я смотрела на нее с кристальной, пугающей ясностью хищника, который только что обнаружил свежий след добычи. Я знала ее тайну. Я видела ее насквозь, до самого грязного дна.

Лаванда вдруг осеклась. Ее ухоженное лицо на мгновение напряглось, словно она физически почувствовала ледяной сквозняк. Она зябко передернула плечами, плотнее запахивая тяжелый мех на груди, сухо бросила ничего не значащее «до свидания» и торопливо зашагала к выходу, стараясь больше не оборачиваться.

Я дождалась конца смены. Заперла кассу, выключила свет в подвале. Сняла рабочую униформу и надела свое плотное, темно-серое шерстяное пальто прямого кроя. Замотала шею теплым шарфом.

Когда я вышла из стеклянных дверей «Северного сияния» на улицу, город уже окончательно накрыла полярная ночь. Ветер с Баренцева моря швырял в лицо жесткую, колючую снежную крошку. Надвигалась метель. Высокие уличные фонари раскачивались, вырывая из непроглядной темноты рваные белые вихри.

Я стояла на крыльце, полной грудью вдыхая обжигающий воздух. Через час я открою тяжелую дверь своей элитной квартиры с полами с подогревом. Аркадий выйдет мне навстречу из кухни. От него будет пахнуть дорогим табаком и ужином. Он улыбнется своей фирменной, заботливой улыб-

кой, привычно заберет у меня сумку и мягко, с деланной тревогой спросит: «Как прошел день, Дашенька? Ты не забыла принять свои таблетки?».

И я улыбнусь ему в ответ. Я сыграю роль глупеющей, покорной, медленно угасающей жены так безупречно, как не играла никогда в своей жизни.

Я спустилась по обледенелым ступеням и уверенно шагнула в ревущую темноту. Я возвращалась не домой. Я возвращалась на территорию врага. И Север был на моей стороне.

Глава 2. Мягкие стены

- Как прошел день, Дашенька? - мягко, с деланной тревогой спрашивает Аркадий, выходя мне навстречу в коридор. Он улыбается своей фирменной, заботливой улыбкой и привычным жестом забирает мою тяжелую сумку. - Ты не забыла принять свои таблетки? У нас в прихожей теперь целая лужа от твоих ботинок, ну кто же так стряхивает снег...

Я переступаю порог нашей элитной квартиры, и тяжелая бронированная дверь с глухим щелчком отсекает вой полярной пурги. Я оказываюсь в идеальном, душном аквариуме. Здесь всегда плюс двадцать четыре градуса. Подогрев полов из светлого керамогранита мгновенно начинает печь ступни.

На Аркадии уютный, дорогой джемпер из бельгийской шерсти жемчужного цвета, на талии повязан темный кухонный фартук. Мой муж никогда не был бытовым инвалидом. Он терпеть не может чужих людей в доме, поэтому мы не держим прислугу, и Аркадий блестяще умеет обслуживать себя сам. Более того, он любит готовить. По квартире плывет густой, плотный аромат запеченной свиной шеи с розмарином.

- Я не забыла про таблетки, Аркаша. Просто отвлеклась, - покорно отвечаю я, снимая пальто.

- Значит, забыла, - сочувственно вздыхает он. - Иди мой руки. Я сам принесу тебе лекарство после ужина. Тебе нужен

строгий режим.

Он проходит мимо, и я замираю. Сквозь запах жареного мяса, розмарина и дорогого трубочного табака я улавливаю это. Едва заметный, маслянистый, едкий химический след. Ballistol. Тот самый запах, которым насквозь пропиталась подкладка эксклюзивной песцовой шубы Лаванды. Запах чужого кармана. Запах измены.

Я прохожу в гостиную. На стене, прямо над массивным кожаным диваном, висит гордость Аркадия - искусно сделанное чучело канадской рыси. Аркадий подстрелил ее пятнадцать лет назад. Таксидермист вставил зверю блестящие, желтые стеклянные глаза, которые всегда кажутся влажными. Рысь застыла в вечном, мертвом оскале. Раньше я старалась не смотреть на нее, мне было физически неприятно. Сегодня я смотрю ей прямо в стеклянные зрачки и понимаю: для мужа я ничем не отличаюсь от этого трофея. Просто шкура на каркасе, которая начала портиться, пылиться и занимать слишком много места.

Мы садимся ужинать за кухонный остров, покрытый слэбом из черного мрамора. Аркадий накладывает мне порцию мяса, наливает горячий чай в мою любимую прозрачную кружку из тонкого стекла. Он рассказывает о том, как прошел его день в офисе, сетует на задержки поставок зимней экипировки из-за штормового предупреждения. Его нож с тихим, выверенным скрипом режет волокна мяса по фарфоровой тарелке. Его речь плавная, логичная. Он идеален.

И в этом заключается абсолютный ужас.

- Соус забыл, - вдруг спохватывается он и встает к холодильнику.

Я тянусь к салфетнице. В этот момент мое боковое зрение, десятилетиями натренированное выхватывать малейшие неровности в узоре сложной вязки, фиксирует едва уловимое движение. Проходя мимо меня, Аркадий неуловимым, текучим движением запястья сдвигает мою кружку с чаем. Ровно на пару сантиметров. Теперь стеклянное дно наполовину висит над пропастью черного мраморного края.

Он возвращается с соусником и садится напротив, подпирая подбородок рукой. Ждет.

Вот как это работает. Механика безумия, собранная вручную, деталь к детали. Если я сейчас потянусь за чаем и не замечу подвоха, кружка упадет. Если я замечу и испуганно отодвину ее на место, он скажет, что я сама поставила ее на край и забыла. В любом случае я окажусь старой, неуклюжей дурой с прогрессирующим склерозом.

Мой пульс замедляется. В груди разливается знакомое, спокойное чувство ледяной воды.

Я не буду оправдываться. Я не буду спорить. Я дам ему то, чего он ждет.

Я заносу руку над столом, чтобы взять солонку, и с силой, точно рассчитанным движением предплечьябыю по стеклянному боку кружки.

Хруст. Звон. Горячий чай разлетается по столешнице,

осколки брызгают на пол.

- Ох, Даша! - Аркадий мгновенно вскакивает. В его голосе нет злости, только густое, приторное сочувствие. Он обходит стол, берет меня за плечи и мягко отодвигает от лужи. - Координация совсем ни к черту стала. Ну как же так? Ничего не трогай, не дай бог порежешься. Тебе нужно больше отдыхать. Иди в спальню, я сам все уберу.

Я опускаю голову. Мои плечи покорно понижаются. Я смотрю на лужу чая на полу и прячу за этой навязанной слабостью жесткую, циничную усмешку. Он думает, что дрессирует меня. Он не понимает, что с этой секунды я наблюдаю за ним из темноты капкана, который он сам же расставил.

Спустя полчаса я сижу на кровати. Аркадий заходит в комнату, неся в руке стакан воды и капсулу.

- Держи, дорогая. Выпей при мне, - он ласково подает мне лекарство.

Я беру капсулу подушечками указательного и большого пальцев. Мои руки - это мой главный инструмент. Я могу вслепую, на ощупь определить толщину овечьей шерсти, найти микроскопический узелок на пряже, отличить дешевый акрил от дорогого мериноса. Кожа на моих пальцах помнит всё.

Оболочка этой капсулы чуть более глянцевая. Она на долю миллиметра толще моих обычных сердечных таблеток, а ее вес распределен иначе. Внутри не рыхлый порошок, а что-то более плотное.

Он подменил препарат. Пустышка? Или легкое седативное, чтобы завтра у меня кружилась голова на эскалаторе в торговом центре, и наша дочь Кира, которой он наверняка позвонит утром, выслушала очередную порцию его вздохов о моей неадекватности?

- Спасибо, Аркаша, - бесцветным голосом говорю я.

Я кладу капсулу в рот. Делаю большой глоток воды, запрокидываю голову, правдоподобно имитируя глотательное движение. Но таблетка плотно зажата между десной и внутренней стороной щеки.

- Спокойной ночи, - он гладит меня по седым волосам, заботливо укрывая одеялом.

Я жду пять минут, слушая, как он включает воду в душевой. Затем тихо встаю, иду в гостевой санузел и выплевываю размокшую, липкую капсулу в фаянсовую раковину. Включаю холодную воду и смотрю, как она исчезает в сливе. Я поднимаю глаза на зеркало. Оттуда на меня смотрит женщина шестидесяти пяти лет. Никаких чудес не произошло - у меня все те же глубокие морщины у рта, все та же сухая кожа. Но в глазах больше нет мутной пелены смирения. Там горит расчетливый, северный лед.

Полярная ночь за окном глушит все звуки. В нашей квартире установлена тотальная шумоизоляция, поэтому тишина здесь имеет физический вес, она давит на барабанные перепонки.

Три часа ночи. Аркадий спит. Его дыхание ровное, глубо-

кое. Человек, лишенный совести, всегда спит младенческим сном.

Я бесшумно ступаю по паркету в темноте. Прохожу на кухню и подсвечиваю пространство только тусклой желтой лампой над вытяжкой. Достая из комода свой старенький, тяжелый ноутбук, который использую для поиска схем вязания.

Из внутреннего кармана сумки я достаю дешевую пластиковую флешку. Разъем щелкает. На экране всплывает окно с чужими тайнами.

Я пролистываю скопированные днем папки: «Аудит 2023», «Офшор - Кипр», «Ликвидация». Эти бухгалтерские махинации Лаванды меня сейчас мало интересуют. Но среди них мой взгляд цепляется за скрытую директорию с невинным названием «Архив_личное_Д».

Дважды кликаю по тачпаду.

Внутри лежат отсканированные документы в формате PDF. Я открываю первый. Это глянцевая рекламная брошюра. «Закрытый психоневрологический интернат "Сосновый бор", Ленинградская область. Профессиональный уход за пациентами с тяжелыми формами деменции». Ниже прикреплен прайс-лист на VIP-размещение в изолированной палате с решетками на окнах.

Я открываю следующий файл.

Черновик искового заявления. «Об установлении опеки и признании недееспособной Наумовой Дарьи Сергеевны, в

связи с прогрессирующей сосудистой деменцией и неспособностью отдавать отчет своим действиям». В самом низу - контактные данные адвоката, специализирующегося на лишении дееспособности без согласия пациента.

Текст на экране расплывается, но не от слез. Мои зрачки расширяются, пытаюсь впитать масштаб этого предательства.

Значит, простого развода не будет. При разводе ему пришлось бы отдать мне половину своей империи - половину сети «Арктик-Хантер», которую мы начинали строить вместе в бандитские девяностые, когда я вела его черную кассу в тетрадке. Половину счетов. Половину этой роскошной квартиры.

Чтобы не делиться, он решил меня стереть. Вычеркнуть из реестра живых людей. В таком интернате, накачанная дешевыми транквилизаторами, я не проживу и двух лет. Я превращусь в овощ, пускающий слюни на клеенку, а он станет моим законным опекуном. Он будет жить с молодой Лавандой, тратить наши общие деньги, настраивать против меня Киру и принимать соболезнования от друзей семьи.

Совершенный план. План человека, который окончательно списал меня в утиль.

Я аккуратно закрываю окна. Нажимаю «Безопасное извлечение устройства». Вытаскиваю флешку и сжимаю ее в кулаке так сильно, что пластиковые края впиваются в кожу, оставляя глубокие полулунные следы.

Я не плачу. Боль, которая должна была разорвать мне грудную клетку, трансформируется в нечто иное. В холодную, структурированную энергию. На Севере выживает не тот, кто громче кричит о помощи, а тот, кто умеет экономить тепло и бить точно в цель.

Я убираю ноутбук. Иду в коридор и бесшумно выдвигаю встроенную гладильную доску. Открываю шкаф и достаю свою запасную рабочую униформу гардеробщицы - плотную темно-серую блузку из жесткой ткани.

Включаю утюг. Вода в резервуаре закипает.

Я ставлю раскаленную подошву на ткань, нажимаю на кнопку подачи пара. Короткий, агрессивный пшик разрывает ночную тишину. Я методично, с нажимом веду утюгом по ткани, выглаживая идеальные, острые стрелки на рукавах.

Я глажу свою броню. Завтра я спущусь в подвал торгового центра, приму тяжелые пальто у десятков людей и продолжу плести узор своей собственной реальности. Аркадий хочет признать меня недееспособной? Он хочет сыграть в сумасшествие?

Я дам ему такое безумие, от которого он захлебнется.

Утюг шипит во второй раз, оставляя на серой ткани безупречно ровный след. Я готова.

Глава 3. Крыса в подвале

Резкий грохот отскочившего от кафеля пластикового ведра перекрыл монотонный гул старой вытяжки.

- Твою же мать, а! Чуть с ног не сбил, придурок дерганый!
- Нэля ввалилась в подсобку за гардеробом, тяжело дыша и изрыгая цветистые, совершенно непечатные проклятия.

От нее, как всегда, несло едкой хлоркой, дешевым яблочным мылом и ядреным цветочным дезодорантом, которым она пыталась перебить запах пота. Нэля стянула с рук желтые резиновые перчатки и швырнула их на гладильную доску. Ее крупное лицо пошло красными пятнами, а грудь под выцветшим синим халатом ходила ходуном.

Я не вздрогнула. Мои пальцы продолжали методично, один за другим, нанизывать тяжелые латунные номерки на металлический штырь стойки. Тридцать восемь. Тридцать девять. Сорок.

- Что случилось, Нэля? - ровным, тихим голосом спросила я, не поднимая глаз от своей работы.

- Да наркоман какой-то! Или ворюга! - Нэля всплеснула руками, едва не смахнув стопку забытых посетителями шарфов. - Я полы намываю у запасного выхода, где разгрузка. А там дверь приоткрыта. Смотрю - у мусорных баков какие-то хмурые мордовороты трутся. И тут этот выскакивает, прямо из-за коробок, глаза по пятаку, бледный как поганка. Шмыг

в дверь - и по коридору! Я ему ору: «Куда прешь по намытому!», а он ничего не соображает, метался-метался, ну я его шваброй-то и шуганула прямо в инвентарную кладовку. Ту, что глухая, в самом конце. И задвижку снаружи хрясь!

Она торжествующе уперла руки в широкие бока, но тут же ее пыл немного угас, сменившись тревогой.

- Сидит там теперь, скребется. Даш, я пойду Тамаре наверх звякну. Или сразу кнопку нажму, пусть охрана разбирается. Нам тут уголовники не нужны.

Мой мозг мгновенно оценил переменные. Охрана торгового центра - это суета, полиция, протоколы. Это камеры видеонаблюдения, которые будут отсматривать. Это директор Тамара, которая воспользуется малейшим поводом, чтобы вычестить из наших зарплат штраф за нарушение периметра безопасности. Но самое главное - это неизвестность. На Севере нельзя отдавать чужим то, что само упало тебе в руки, пока ты не проверишь, нет ли в этом ценности.

Я аккуратно положила сорок первый номерок. Включила режим уставшей, миролюбивой и немного пугливой старушки - ту самую маску, которую я годами носила перед мужем, и которая теперь стала моим идеальным камуфляжем.

- Нэлечка, побойся бога, - я мягко коснулась ее напряженного локтя. - Какая кнопка? Тамара с нас обеих три шкуры спустит. Скажет, сами дверь на разгрузке не заперли, пустили постороннего в служебную зону. Лишит премии перед праздниками, и будешь ты со своими кредитами лапу сосать.

Нэля недовольно поджала губы со слезами размазанной красной помады, но я видела, что аргумент про деньги ударил точно в цель.

- И что с ним делать? Пусть там сдохнет в кладовке?

- Иди наверх, мой эскалаторы, пока людей мало. На тебе весь первый этаж висит, - спокойно сказала я. - А я сама посмотрю. Наверное, просто пьяный от мороза забежал согреться. Посидит, протрезвеет, я ему засов открою, и пусть катится на все четыре стороны. Никто и не узнает.

Нэля еще пару минут поворчала для порядка, подобрала свои желтые перчатки, подхватила ведро и грузно зашагала к служебному лифту.

Я дождалась, пока лязг закрывающихся дверей стихнет. В подвале воцарилась вязкая, тяжелая тишина, нарушаемая только гудением труб под потолком. Я расправила складки своей плотной темно-серой рабочей юбки, поправила воротник наглухо застегнутой блузки и вышла из-за барьера гардероба.

Технический коридор уводил в слепую зону. Здесь не было камер. Мигали тусклые люминесцентные лампы, по стенам тянулись толстые жгуты проводов, покрытые серой пылью. Чем дальше я отходила от освещенного фойе, тем холоднее становился воздух.

Массивная металлическая дверь инвентарной кладовки выглядела неуместно монументальной для помещения, где хранились только старые ведра, списанные манекены и запас

туалетной бумаги. Снаружи на ней висел тяжелый ржавый засов, который Нэля задвинула до упора.

Я подошла вплотную. Прислушалась.

Сначала мне показалось, что внутри тихо. Но затем сквозь толстое железо пробился звук. Это было частое, прерывистое дыхание человека, находящегося на грани панической атаки. Кто-то скулил. Не плакал, а именно скулил, как загнанная собака.

Я опустила взгляд. В самом низу двери была вырезана вентиляционная решетка с косыми металлическими жалюзи. Чтобы заглянуть внутрь, мне нужно было присесть.

Я оперлась ладонью о холодную, шершавую штукатурку стены. Медленно согнула ноги. Правое колено отозвалось знакомым, тупым хрустом и тянущей болью. Аркадий всегда безразлично морщился, когда слышал этот звук, намекая, что мне пора пить добавки для суставов или вообще поменьше ходить. Сейчас эта боль отрезвляла. Она напоминала мне о том, что я живая. Что мое тело, пусть и изношенное, подчиняется мне, а не тем таблеткам-пустышкам, которые он пытался мне скармливать.

Я опустилась на корточки, не обращая внимания на холод бетонного пола, и прижалась лицом к пыльной решетке.

Внутри стояла кромешная тьма, которую разрезал только слабый, дрожащий свет от экрана мобильного телефона. В этом бледном, мертвенном свечении я увидела лицо. Молодое, осунувшееся, покрытое испариной. Парень сидел на по-

лу, прижав колени к подбородку, и трясущимися пальцами тыкал в экран. Связи в кладовке не было - бетонные перекрытия торгового центра глушили любой сигнал.

Но он не сдавался. Он поднес телефон к губам, надиктовывая голосовое сообщение в надежде, что оно отправится, как только появится хоть одна палочка сети.

- Настя... - хрипло, со срывами на фальцет забормотал он.
- Настя, сука, возьми трубку! Лаванда, тварь, ну пожалуйста! Это Эрик. Они меня нашли. Они у черного входа пасут. Ты слышишь меня?! Если ты не переведешь бабки, они меня на счетчик поставят... Они же меня порежут, Настя! Я знаю про твои схемы с этим старым хрычом! Я все ему солью, клянусь, переведи деньги!

Мой пульс не ускорился. В груди не екнуло. Мозг, натренированный десятилетиями выхватывать малейшие нарушения в сложнейших геометрических узорах вязки, щелкнул, соединяя разорванные нити в идеальное полотно.

Пазл сошелся молниеносно и безжалостно.

Эрик. Настя. Лаванда.

Прошлой ночью, сидя на кухне в свете одной тусклой лампы, я просматривала файлы, которые скопировала с чужой флешки на свой старенький накопитель. Там, среди таблиц с черной бухгалтерией сети магазинов моего мужа, была папка с подставными лицами для вывода активов. Сканы паспортов. Чернов Эрик Николаевич. Тридцать лет. Лицо с фотографии в паспорте в точности совпадало с лицом этого ску-

лящего, размазывающего сопли по щекам парня, запертого в двух метрах от меня. Родной брат любовницы моего мужа. Игрок. Должник. Слабое звено.

Я смотрела на него сквозь металлическую щель, и во мне не было ни капли жалости. Молодость наивно полагает, что она неуязвима. Они с сестрой думали, что могут легко обобрать старого дурака Аркадия и выбросить меня на свалку. Но они были небрежны. Они оставляли следы. Флешка в кармане шубы. Запах оружейной смазки. Громкие истерики в запертой кладовке. Они шумели. А на Севере шум привлекает хищников.

Я убрала лицо от решетки. Медленно выпрямилась, разгибая ноющее колено.

Мой взгляд скользнул по тяжелому ржавому засову. Одно движение руки - и дверь откроется. Но зачем мне это делать? Если я его отпущу, он убежит и спрячется. Если я позову полицию, его заберут, а потом бандиты переломают ему ноги в какой-нибудь подворотне. Ни тот, ни другой вариант не приносил мне абсолютно никакой пользы.

Мне нужен был инсайдер. Мне нужна была ручная крыса в лагере врага. Тот, кто доложит мне о каждом шаге Аркадия и Лаванды. Тот, кто сдаст их со всеми потрохами за собственную жалкую шкуру.

Но чтобы купить душу, нужны деньги.

Я закрыла глаза, мысленно проводя инвентаризацию своих ресурсов. Аркадий последние полгода методично ограни-

чивал мой доступ к нашим общим счетам. Перевел все накопления на свои закрытые вклады, оставив мне только смехотворную карточку на «булавки и продукты». Он искренне верил, что я нахожусь в полной финансовой зависимости от него. Он забыл одну деталь.

Мое вязание. Мое «старческое ковыряние», над которым он так снисходительно посмеивался перед друзьями.

Традиционные поморские свитера из натуральной овечьей шерсти с уникальными, никогда не повторяющимися узорами. Вещи, которые невозможно купить в масс-маркете. Я вязала их ночами, вкладывая в каждую петлю свою математическую точность. Я продавала их через знакомых на закрытых форумах коллекционерам и ценителям ручной работы из столицы. И брала за них очень дорого.

Все эти годы я не тратила заработанное на себя. Мне не нужны были бриллианты или спа-курорты. Мне нужна была независимость в мелочах. Наличные. Плотные пачки пятидесяти тысяч купюр, которые я бережно складывала в старую жестяную коробку из-под датского печенья. Коробка хранилась не дома, где Аркадий мог в любой момент устроить ревизию моих вещей под предлогом заботы. Она лежала здесь. На верхней полке моего личного железного шкафчика в раздевалке для персонала, на который я еще в первый месяц работы предусмотрительно повесила свой собственный, тяжелый навесной замок. Там скопилась сумма, которой с лихвой хватит, чтобы заткнуть пасти уличной шпане, требую-

щей карточный долг.

Я снова посмотрела на железную дверь. Эрик перестал бормотать и теперь просто тихо, монотонно бился затылком о стену.

Он был еще недостаточно напуган. Страх - это как сырая шерсть. Сначала ее нужно долго и мучительно вымачивать в ледяной воде, выбивать из нее грязь, чтобы она стала податливой и не кололась. Если я предложу ему сделку прямо сейчас, он попытается торговаться или обмануть меня.

Он должен понять, что он никто. Что его бросили. Что сестра не придет за ним, а кредиторы у черного хода будут ждать его вечно. Кладовка была для этого идеальным местом. Ледяной бетонный пол, полная темнота, нехватка кислорода и звенящее чувство абсолютной изоляции.

Я аккуратно отряхнула невидимые пылинки со своей серой юбки. Развернулась и бесшумно пошла прочь по длинному коридору, возвращаясь в свой освещенный подвал.

До конца моей рабочей смены оставалось ровно четыре часа. Четыре часа темноты и ужаса для Эрика.

Я подошла к стойке гардероба. Лязгнули ступени эскалатора - спустилась парочка студентов, чтобы оставить свои пуховики. Я привычным, отработанным жестом приняла вещи, выдала номерки, повесила куртки на прочные плечики. Ни один мускул на моем лице не дрогнул. Я была все той же невидимой функцией, частью интерьера.

Когда поток посетителей снова иссяк, я села на свой вы-

сокий стул. Достала из глубокого кармана моток темно-синей мериносовой пряжи и длинные стальные спицы.

Металл тихо, успокаивающе звякнул в моих руках. Пальцы, покрытые сетью мелких морщин и старых шрамов, привычно перехватили нить. Лицевая. Изнаночная. Перекрест.

Я начала вывязывать сложный, плотный кельтский узел. Мои мысли были кристально чистыми. В них не было места суете. Аркадий хочет войны? Он ее получит. Но это будет война по моим правилам.

Север не терпит спешки. Север ломает тех, кто суетится на морозе, кто тратит энергию на крики и слезы. Выживает тот, кто умеет экономить тепло, рассчитывать каждый шаг и ждать своего часа.

Я сделала идеальный накид, плотно затянув нить на спице. В подвале, в сорока метрах от меня, за тяжелой металлической дверью скулил от первобытного страха человек, который скоро станет моим абсолютным рабом. А я просто сидела в теплом свете ламп и делала свою работу.

Север умеет ждать. Я тоже.

Глава 4. Покупка души

Мой муж всегда любил повторять, что независимость женщины измеряется не ее характером, а толщиной кошелька ее мужчины. В чем-то Аркадий был абсолютно прав. Деньги действительно дают свободу выбора. Но он, упиваясь своей властью и методично лишая меня доступа к нашим общим счетам, не учел одной крошечной детали. Кошелек у меня был свой. И я никогда, ни разу за последние десять лет не просила из него ни копейки на семейные нужды.

Смена закончилась двадцать минут назад. Торговый центр «Северное сияние» стремительно пустел, погружаясь в гулкую, пыльную тишину, которую нарушало только монотонное гудение вентиляционных труб под потолком. Уборщицы уже переоделись и разошлись по домам. Я стояла совершенно одна в узкой раздевалке для персонала, тесно заставленной металлическими шкафчиками. Здесь всегда пахло влажной зимней обувью, дешевым яблочным освежителем воздуха и заваренным в пластиковых стаканчиках паке-тированным чаем.

Я сняла свою темно-серую рабочую блузку с идеальными, выглаженными ночью стрелками на рукавах и аккуратно повесила ее на плечики. Надела свое плотное шерстяное пальто. Затем достала из кармана сумки маленький ключ и вставила его в тяжелый навесной замок на дверце моего личного

шкафчика. Механизм сухо, привычно щелкнул.

На самой верхней полке, надежно спрятанная под стопкой запасной униформы и старыми журналами, лежала круглая жестяная коробка из-под датского печенья.

Аркадий думал, что держит меня на коротком поводке. Выдавая мне смешные суммы на продукты, он искренне верил, что я нахожусь в абсолютной финансовой изоляции. Он почему-то забыл, что традиционные поморские свитера из тяжелой мериносовой пряжи, вывязанные вручную по сложнейшим математическим схемам, не продаются в масс-маркете. Ценители ручной работы из столицы ждали мои изделия месяцами. И платили за них щедро. Наличными.

Я сняла прохладную металлическую крышку. Внутри плотными рядами лежали пачки пятитысячных купюр, пережатые канцелярскими резинками. Запах старой бумаги и типографской краски ударил в нос. Это были не просто деньги. Это были мои бессонные ночи, ноющие суставы, стертые до грубых мозолей подушечки пальцев. Километры пропущенной через руки шерсти. Это была моя материализованная, тщательно скрываемая броня.

Я отсчитала триста тысяч рублей. Ровно столько, чтобы перебить карточный долг средней руки у местной шпаны. Сложила купюры в плотный брикет и спрятала в глубокий внутренний карман пальто. Прижала руку к груди - пачка приятно холодила через шелковую подкладку, придавая телу правильный, сбалансированный вес. Мои плечи невольно

расправились.

Теперь нужно было забрать товар.

Я вышла из раздевалки в технический коридор. Свет здесь горел вполнакала, мигая длинными люминесцентными трубками. Я неторопливо подошла к массивной металлической двери инвентарной кладовки. За ней было абсолютно тихо.

Четыре часа назад я оставила там Эрика, младшего брата молодой любовницы моего мужа. Четыре часа в бетонном мешке метр на метр, без окон, без связи, в полной темноте и на ледяном полу. Для молодого человека с расшатанными нервами, за которым прямо сейчас охотятся обозленные кредиторы, это равносильно пытке в карцере. Север учит, что холод, неизвестность и полная изоляция ломают волю куда быстрее, чем любые физические угрозы. Нужно было только подождать, пока страх пропитает его насквозь.

Я взялась за ржавую ручку засова. Он всегда поддавался тяжело, одной кистью его было не сдвинуть. Я уперлась плечом в шершавый металл двери, напрягла мышцы спины и с глухим, протяжным скрежетом отодвинула запор в сторону.

Дверь приоткрылась. Из кладовки пахло кислым мужским потом, застоявшимся страхом и спертым воздухом. Эрик буквально вывалился в коридор, как плохо завязанный мешок с мусором. Он упал на колени, судорожно закрывая лицо грязными ладонями от тусклого света ламп. Его дорогая, но тонкая городская куртка была измята и перепачка-

на в побелке, волосы мокрыми прядями прилипли к потному лбу. Он часто, прерывисто дышал, его колотила крупная дрожь. Физиология паники сработала безупречно.

- Вставай, - ровным, лишенным каких-либо интонаций голосом сказала я, глядя на него сверху вниз. - Твое время вышло.

Эрик резко вскинул голову. Его глаза были красными, воспаленными, а зрачки расширены от ужаса. Он уставился на меня, не понимая, кто перед ним. В его жалкой картине мира старая гардеробщица должна была сейчас вызвать охрану или, что еще хуже, выкинуть его за дверь прямо в руки тем самым людям у черного входа.

- Пожалуйста... - хрипло, едва слышно выдавил он, цепляясь непослушными пальцами за край моей юбки. - Не надо к ним. Умоляю. Они мне пальцы переломают на морозе. Я все верну, клянусь, у сестры бабки есть, она отдаст...

Я брезгливо отступила на полшага, высвобождая ткань.

- Вставай и иди за мной, - повторила я, не меняя тона. Развернулась и, не оглядываясь, зашагала по длинному коридору к выходу в зону разгрузки.

Эрику ничего не оставалось, кроме как покорно поплестись следом. Он подволакивал затекшие ноги, тяжело опираясь о стены. Он шел за мной, как приговоренный к плахе, шумно сглатывая вязкую слюну.

Я толкнула плечом тяжелую металлическую дверь служебного выхода. Мы шагнули из душного коридора прямо в

ревущую полярную ночь. Ветер с Баренцева моря ударил в лицо с силой хорошей хлесткой пощечины. Температура за последние часы упала еще градусов на десять, надвигалась настоящая пурга. Мелкая, жесткая снежная крошка секла кожу, как битое стекло.

У высоких пластиковых мусорных баков, едва освещенных желтым, пульсирующим светом одинокого настенного фонаря, стояла темная машина с заведенным двигателем. Густые клубы выхлопных газов белым облаком поднимались в морозный воздух и тут же рвались ветром. Возле капота переминались с ноги на ногу двое. Обычные шестерки местного разлива в дутых пуховиках и спортивных шапках, натянутых по самые брови. Они курили, пряча тлеющие сигареты в рукавах от порывов ветра.

Увидев нас, они мгновенно подобрались. Один из них сплюнул под ноги и отбросил окурочек в снег.

- Опа. Выползла крыса, - старший из них, с широким, обветренным плоским лицом, тяжело шагнул нам навстречу, хрустя ботинками по насту. - А мы уже думали охрану напрягать, чтобы дверь ломали. Иди сюда, малой. Поговорим о твоей занимательной математике.

Эрик издал странный горловой звук, похожий на скулеж побитой собаки, и инстинктивно вжался спиной в ледяную кирпичную стену торгового центра. Он был полностью парализован животным страхом.

Я спокойно шагнула вперед, заслоняя его собой. Мои ор-

топедические ботинки уверенно встали на намерзший лед.

- Долг Эрика Чернова, - произнесла я громко, чтобы перекрыть вой ветра.

Парни остановились. Они только сейчас сфокусировали на мне взгляд. Они ожидали увидеть кого угодно: испуганного менеджера, охранника, сестру должника, но только не седую женщину в строгом пальто, которая смотрит на них с клиническим спокойствием человека, привыкшего каждый день читать изнанку чужих жизней.

- Ты кто такая, мать? - нахмурился старший, настороженно пряча руки в карманы куртки. - Адвокат его, что ли? Шла бы ты домой, пока скользко не стало. У нас тут свои дела. Не лезь.

- Его долг закрыт.

Я расстегнула верхние пуговицы пальто, сунула руку во внутренний карман и вытащила плотный брикет денег. В тусклом свете фонаря красные купюры выглядели неестественно ярко на фоне кружащегося белого снега. Я молча протянула руку вперед.

Старший замер. Его взгляд скользнул с моего невозмутимого лица на деньги, потом на трясущегося у стены Эрика. На Севере никто не задает лишних вопросов, когда перед носом появляются живые, осязаемые наличные. Мороз слишком жесток, чтобы тратить время на дешевые понты. Им нужны были деньги, и они их получили.

Он быстро шагнул ко мне и выхватил пачку негнуши-

мися, покрасневшими от холода пальцами. Сноровисто, почти профессионально пролистал купюры, сверяя примерную толщину брикета. Удовлетворенно кивнул второму.

- Повезло тебе, малой. Бабка у тебя мировая, - бросил он через плечо, пряча деньги за пазуху. - Но в наши заведения больше не суйся. В следующий раз ноги прямо на крыльце вырву.

Они развернулись и тяжело запрыгнули в свою прогретую машину. Дверцы с лязгом захлопнулись, шины с визгом провернулись по снежной каше, и автомобиль быстро исчез в темном переулке, растворившись в метели.

Я обернулась к Эрику. Он медленно сползал по стене, судорожно хватая ртом колючий морозный воздух. Его глаза были размером с блюдца. Он просто не мог поверить, что его никчемную жизнь только что оценили и купили так буднично, между мусорными баками.

- Замерзнешь, - сухо бросила я.

Ухватив его за воротник тонкой куртки, я сильным рывком втащила парня обратно в неотапливаемый тамбур служебного входа. Тяжелая дверь захлопнулась, отрезая нас от ветра.

Здесь было тихо. Только гудело напряжение в трансформаторной будке за бетонной стеной.

- Я... я отдам. Клянусь, я все до копейки отдам, - забормотал Эрик, прижимая грязные руки к груди. - У меня сестра при деньгах, она сейчас крупную сделку закрывает. Я с про-

центов верну, честное слово... Вы кто вообще такая? Зачем вы это сделали?

Я прислонилась к холодной стене, засунула озябшие руки глубоко в карманы пальто и посмотрела ему прямо в глаза. Пришло время выкладывать карты на стол.

- Эрик Николаевич Чернов. Тридцать лет. Нигде официально не трудоустроен. Зато работаешь курьером и мелким порученцем у своей успешной сестры, - мой голос звучал ровно, как ход тяжелых напольных часов. - А твою сестру зовут Анастасия. В определенных кругах - Лаванда. Она спит с моим мужем, Аркадием Наумовым. И вместе они готовят фиктивное банкротство сети магазинов «Арктик-Хантер».

Эрик поперхнулся воздухом. Его челюсть отвисла, лицо стало еще бледнее, приобретя оттенок грязного, талого снега. Вся его суетливая благодарность испарилась в ту же секунду.

- Вы... вы жена этого старика? - прошептал он, вжимаясь в металлическую дверь тамбура. - Но Настя говорила... она говорила, что вы сумасшедшая. Что вы в маразме, никого не узнаете и таблетки горстями пьете...

- Как видишь, я не забыла даже твое отчество, - я позволила себе тонкую, абсолютно безжалостную усмешку, от которой Эрик ощутимо вздрогнул. - На флешке из оружейной стали, которую твоя сестра вчера по глупости забыла в кармане своей эксклюзивной песцовой шубы, было очень много интересного. Офшорные счета на Кипре. Подставные

фирмы. И сканы твоего паспорта в папках на ликвидацию. Я знаю всю вашу грязную схему от первой до последней буквы.

Я видела, как в его голове со скрипом проворачиваются шестеренки. Он понимал, что попал в тиски. С одной стороны - отморозки на улице, с другой - женщина с кристально ясным, пугающим расчетом, которая держит его сестру на мушке компромата.

- Я купила твою жизнь, Эрик, - продолжила я, чеканя каждое слово, чтобы оно намертво впечаталось в его мозг. - И теперь ты принадлежишь мне. Если ты пискнешь сестре хоть слово о нашем разговоре, я отправлю копию флешки в налоговую и в отдел по борьбе с экономическими преступлениями. А заодно солью твой адрес тем ребятам, от которых только что тебя откупила. И поверь, они покажутся тебе детским хором.

- Чего вы хотите? - он судорожно сглотнул, его голос окончательно сорвался на фальцет. - Денег? Настя сказала, там на Кипре уже почти сотня миллионов зависла. Я ничего не могу снять оттуда, у меня нет ключей и доступов!

Я подошла к нему вплотную. Запах его паники смешался с запахом мороза, принесенным с улицы.

- Мне не нужны мифические офшоры. Офшоры - это долго. Это банковские блокировки, юристы, суды и бумажная волокита, - жестко сказала я. - Я внимательно изучила таблицы. Мой муж вывел на электронные счета далеко не все. Он человек старой закалки, он не верит цифрам на экране

компьютера. Где наличные, Эрик?

Парень замялся, его бегающие глаза метнулись к двери, потом снова ко мне. Он взвешивал риски. Но преданность сестре, которая так легко бросила его на растерзание кредиторам, проиграла перед животным страхом за собственную шкуру.

- Старик параноик, - выдохнул Эрик, нервно облизывая пересохшие губы. - Настя бесилась из-за этого страшно. Он половину оборотного капитала сети конвертировал в кэш. Сказал, что так надежнее, пока пыль с банкротством не уляжется.

- Где они лежат? - я надавила на него взглядом, не давая ни секунды на передышку.

- В тайге. На его личной заимке, - быстро зашептал Эрик, словно боясь, что нас услышат бетонные стены. - Вы же знаете этот домик. «Волчий клык». Сотня километров от города по тундре. Там в подполе железный сейф, намертво вваренный в фундамент. Они собираются забрать кэш прямо перед самым отъездом за границу. Настя просила меня втайне от мужа подготовить тяжелые сани и проверить резервные снегоходы в обход кассы...

Мое сердце сделало один медленный, тяжелый удар о ребра. Пазл окончательно сошелся, но общая картина оказалась совершенно не той, что я ожидала увидеть.

Я медленно отступила от Эрика. В голове стремительно перестраивались многоуровневые математические схемы

моего будущего. План Аркадия был поистине безупречен для городской среды. Он хотел утопить меня в унижительных диагнозах, отправить в интернат, оставить без копейки и бесследно исчезнуть. Но он допустил одну критическую ошибку. Он забыл, что бумажные деньги имеют физический вес. И теперь этот вес лежал там, где не работали законы столичных юристов, хитроумные адвокатские конторы и подкупленные нотариусы.

Деньги лежали там, где работали только первобытные, безжалостные законы Севера.

- Значит, тайга, - очень тихо произнесла я, глядя в пустоту тамбура.

Я посмотрела на свои руки. Кожа, привыкшая к мягкой мериносовой шерсти, на мгновение показалась мне чужой. Схватка переносилась на другую территорию. В зону, где выживает не тот, у кого больше красивых штампов в паспорте, а тот, кто умеет переносить адский холод и расчетливо ждать своего часа. И для этого мне нужны были совсем другие инструменты.

Глава 5. Мертвая красота (Аркадий)

от лица Аркадия

Металлический щелчок затвора звучит в полной тишине кабинета как короткий, сухой кашель. Я всегда любил этот звук. В нем кроется абсолютная, математическая предсказуемость, недоступная живым людям. Если ты правильно ухаживаешь за хорошим механизмом, регулярно смазываешь его узлы и не допускаешь коррозии, он никогда тебя не подведет. Он выстрелит ровно тогда, когда твой палец плавно потянет спусковой крючок. Никаких истерик. Никаких внезапных сбоев.

Я сижу за массивным столом из мореного дуба в своем кабинете на втором этаже главного магазина «Арктик-Хантер». За окнами, защищенными толстыми, бронированными стеклопакетами, беззвучно беснуется полярная ночь. Ветер швыряет жесткую снежную крошку в стекло, но сюда, в мое личное убежище, не проникает ни единого звука штора. Здесь тепло. Здесь пахнет дорогим кубинским табаком, свежемолотым кофе, который я только что сварил себе в турке, и густым, маслянистым ароматом немецкой оружейной смазки Ballistol.

Я опускаю кусок мягкой фланелевой ткани в баночку с

маслом и аккуратно, медитативными движениями прохожусь по вороненому стволу моего любимого карабина. Запах въедается в кожу пальцев, пропитывает манжеты моего кашемирового свитера. Это запах контроля. Запах порядка.

У каждой вещи в этом мире есть свой предел прочности. Ресурс выработки, если говорить языком бухгалтерии. Глупо злиться на снегоход, у которого после десяти лет жесткой эксплуатации в тундре треснула рама или полетел двигатель. Ты просто признаешь факт износа, списываешь технику с баланса и покупаешь новую, более современную модель.

Но почему-то в отношении людей общество требует от нас совершенно иной, иррациональной логики.

Я откладываю промасленную ткань и беру чистую бархотку. Поднимаюсь из-за стола и подхожу к стене, на которой закреплен мой любимый охотничий трофей - чучело крупной канадской рыси. Таксидермист, которому я заплатил немалые деньги пятнадцать лет назад, проделал безупречную работу. Я провожу бархоткой по блестящим, желтым стеклянным глазам зверя, стирая невидимую пыль. Зверь скалится в вечном, послушном оскале. Это и есть идеальная форма существования - мертвая красота. Никаких капризов, никаких претензий. Только эстетика.

Моя жена Даша когда-то тоже была отличным механизмом. В лихие девяностые, когда я только начинал строить империю по продаже экипировки для северной охоты, она сидела ночами над черными бухгалтерскими тетрадями, сво-

дя дебет с кредитом. Она обеспечивала мне идеальный тыл. Гладила рубашки, готовила ужины, молчала, когда нужно было молчать.

Но время безжалостно. Сорок лет брака стерли ее. Механизм изнашивался. Даша стала рассеянной, медлительной, ее интересы сузились до монотонного перебирания вязальных спиц. Она начала раздражать меня своей покорной, серой усталостью. Она превратилась в балласт, который тянет мой корабль на дно.

И что я должен был сделать? Играть в благородного старца, доживающего свой век рядом с увядающей женщиной, пока моя собственная кровь еще кипит?

Я не изверг. Я считаю себя глубоко цивилизованным, гуманным человеком. Другой на моем месте просто вышвырнул бы постаревшую жену на улицу с жалкими отступными или изводил бы ее пьяными скандалами. Я же подошел к вопросу системно. Если механизм сломан, его нужно правильно утилизировать.

Закрытый психоневрологический интернат в Ленинградской области, который я для нее подобрал - это элитное заведение. Сосновый воздух, трехразовое диетическое питание, мягкие кресла в холле. Она будет там в полной безопасности. А то, что для этого мне пришлось немного подтолкнуть ее к краю... Что ж, хирургия всегда требует небольших надрезов. Пару раз сдвинутая на край стола чашка, незаметно подменные таблетки от давления - и вот уже она сама начина-

ет верить в свое безумие. А главное, в это начинает верить наше окружение. Это не жестокость. Это просто грамотный менеджмент человеческих ресурсов.

Тяжелая дубовая дверь кабинета открывается без стука.

Мои размышления прерывает резкий поток холодного воздуха, ворвавшийся из коридора. На пороге стоит Анастасия. Лаванда.

Она приносит с собой запах морозного озона и тяжелый, душлистый шлейф своего любимого парфюма с нотами пачули. На ее плечах лежит та самая эксклюзивная шуба из серебристого песка. Густой мех усыпан мелкими, тающими каплями снега. Погода на улице стремительно портится, город накрывает черная пурга.

- Метель просто сумасшедшая, - раздраженно бросает она, стряхивая влагу с воротника и вешая тяжелую шубу на напольную вешалку у двери. - Еле доехала. Машину водит по льду, видимость нулевая.

- Согрейся, - я спокойно указываю подбородком на свободную чашку возле медной турки. - Кофе еще горячий.

Она проходит к столу, стуча каблуками практичных, но изящных зимних сапог. Лаванда не из тех дурочек, что носят шпильки в гололед. В ней есть та самая хищная практичность, которая меня так привлекает. Она берет чашку тонкими пальцами с безупречным маникюром, делает небольшой глоток, но я вижу, что ее мысли витают где-то далеко. Ее красивые, холодные глаза сужены от напряжения.

- Эрик пропал, - вдруг говорит она, ставя чашку на стол с чуть большей силой, чем требовалось. Фарфор тихо звякает о дерево. - Телефон вне зоны действия сети уже несколько часов.

Я мысленно морщусь, возвращаясь к полировке затвора.

- Твой брат - взрослый мальчик, Настя. Наверняка снова зависает в каком-нибудь подпольном катране, спустил остатки денег на ставки и теперь боится снять трубку. Я всегда говорил, что ты слишком много с ним нянчишься. Меньше опеки - быстрее повзрослеет.

- Ты не понимаешь, Аркадий, - она нервно обхватывает себя за плечи, глядя на темное окно. - Он должен был сегодня забрать важные документы у нотариуса по нашей сделке. И у него долги перед очень неприятными людьми в городе. Если эти отморозки его выловили у черного входа...

- Если выловили, значит, получит хороший урок математики на свежем воздухе, - сухо обрываю я, не желая тратить время на обсуждение проблем этого никчемного сопляка. - Меня сейчас больше интересуют наши собственные дела. Как продвигается процесс с кипрскими счетами?

Лаванда мгновенно собирается. Профессионал в ней всегда побеждает сестру. Она подходит ближе, опираясь бедром о край моего стола.

- Проводки идут. Сеть магазинов почти полностью обескровлена. Юридически «Арктик-Хантер» сейчас - это пустой панцирь с огромными долгами перед подставными фир-

мами-поставщиками. К концу месяца мы сможем запустить процедуру фиктивного банкротства.

Она замолкает на секунду, внимательно глядя на то, как я вставляю затвор обратно в ствольную коробку карабина.

- Но меня напрягает другое, Аркаша, - ее голос снижается до доверительного шепота. - Налоговая в последнее время лютует. У нас слишком много цифровых следов. Зачем мы так тянем? Почему мы просто не можем уехать сейчас? Зачем весь этот бесконечный спектакль с твоей женой? Оставь ей эту чертову квартиру, подай на развод, и дело с концом! Мы теряем время из-за твоих игр в психиатра!

Моя рука замирает на металле. Я медленно поднимаю глаза и смотрю прямо на нее. Мой взгляд тяжелеет. Лаванда умна в цифрах, но она совершенно не понимает базовых законов выживания и сохранения энергии.

- Ты предлагаешь мне подать на развод? - мой голос звучит тихо, но в нем прорезается металл, заставляющий ее неуютно повести плечами. - По закону, Настя, при разводе все совместно нажитое имущество делится пополам. Ровно пополам. Квартира, дача, оборотные средства на открытых счетах, техника на складах.

Я откладываю карабин и встаю. Подхожу к ней вплотную.

- Я строил этот бизнес сорок лет. Я выгрызал эти контракты у конкурентов, я договаривался с бандитами в девяностые, я рисковал своей головой в тайге. А Даша просто сидела в тепле и вязала свои никому не нужные свитера. Ты

думаешь, я отдам этой выжившей из ума старухе половину своей жизни просто потому, что в моем паспорте стоит какой-то штамп?

Я вижу, как Лаванда сглатывает. Она отступает на полшага.

- Недееспособность - это единственный чистый выход, - чеканя каждое слово, продолжаю я. - Как только суд признает ее неспособной отвечать за свои действия в связи с прогрессирующей сосудистой деменцией, я стану ее единственным законным опекуном. Я получу право распоряжаться всем нашим имуществом единолично. Без судов, без раздела, без скандалов. Она уедет в тихое место пускать слюни на подушку, а мы с тобой заберем всё до последней копейки. Это принципиальный вопрос, Настя. Я не делюсь тем, что принадлежит мне по праву сильного.

Она кивает, принимая мои правила игры. В этом вся Лаванда - она умеет подстраиваться под того, кто доминирует.

- Хорошо, - выдыхает она, поправляя волосы. - Но что делать с наличными? Ты конвертировал почти треть оборотного капитала в бумагу. Если налоговая или ОБЭП нагрянут с внезапной проверкой по нашим фирмам-однодневкам, они перевернут здесь всё. Сейфы, склады, ячейки.

Я снисходительно улыбаюсь. Как же горожане привыкли мыслить категориями сейфовых комнат и банковских хранилищ.

- Пусть переворачивают, - я возвращаюсь в кресло и от-

кидываюсь на мягкую кожаную спинку. - Бумажные следы - это для клерков. Мой главный капитал лежит там, куда не доберется ни один столичный аудитор или следователь в лакированных ботинках.

Я делаю паузу, наслаждаясь моментом.

- Заимка «Волчий клык». Сто километров по тундре и замерзшим болотам. Железный сейф, намертво вваренный в скальный фундамент под домом. Там лежат плотные пачки свежего кэша, Настя. Нигде не учтенные, слепые деньги. Это наш настоящий билет в новую жизнь. Как только я получу на руки решение опекунского совета, мы сядем на снегоходы, доберемся до тайника, заберем наличность и улетим на частном борту прямо оттуда. И пусть налоговая забирает себе пустые магазины.

Глаза Лаванды вспыхивают алчным, понятным мне огнем. Страх перед проверками отступает. Деньги - лучшее успокоительное для таких женщин.

- А если буря затянется? - всё же спрашивает она, кивая на дрожащее от ветра окно.

- Буря нам на руку. Она скрывает следы. Завтра утром, несмотря на погоду, ко мне домой придет прикормленный нотариус. Даша находится в нужной кондиции. Она уже сама не понимает, какой сегодня день недели. Вчера она на моих глазах уронила кружку и даже не смогла объяснить, как это вышло. Я скажу, что это бумаги из ЖЭКа на замену труб, а на деле она подпишет мне генеральную доверенность на управ-

ление всем имуществом. Нотариус свой, он закроет глаза на ее состояние.

Я смотрю на свой дорогой хронограф на запястье.

- А через несколько дней из Питера прилетает Кира. Моя дочь полностью на моей стороне. Я потратил полгода, чтобы мягко подготовить ее. Она уверена, что мать опасна для себя самой. Ее свидетельские показания в суде станут последним гвоздем в крышку этого гроба. Всё под контролем, Настя. Механизм работает как часы.

Лаванда удовлетворенно кивает. Забрав свою пустую чашку, она направляется к выходу, по пути подхватывая тяжелую песцовую шубу.

- Завтра созвонимся, - бросает она с порога. - Пойду искать своего непутевого брата. Надеюсь, он просто напился в каком-нибудь баре и спит.

- Не переживай о мусоре, - равнодушно отвечаю я.

Дверь за ней закрывается, отсекая коридорные звуки.

Я остаюсь один в теплой, пахнущей оружейным маслом тишине. Беру почищенный карабин, встаю и подхожу к массивному оружейному шкафу, встроенному в стену кабинета. Аккуратно ставлю оружие в ложемент.

Мой план безупречен. Я просчитал все переменные. Я знаю, как поведет себя Лаванда, я знаю, что скажет дочь, и я абсолютно точно знаю, где сейчас моя жена. Я мысленно представляю, как Даша сидит в своей душной, пыльной будке в цокольном этаже торгового центра, покорно прини-

мая мокрые куртки у посетителей. Серая мышь, убежденная в собственной никчемности. Старый, сломанный механизм, смилившийся со своей отправкой на свалку.

Я закрываю тяжелую металлическую дверцу сейфа. Поворачиваю ключ.

Сухой, четкий щелчок замка эхом разносится по кабинету. Я испытываю глубокое, сытое удовлетворение человека, который уверен, что надежно запер все свои проблемы в клетке, из которой нет выхода.

Глава 6. Математика узлов

Сто километров по тундре. Сто километров застывших болот, кривых карликовых берез, скрытых под обманчивым настом ледяных оврагов и абсолютной, безжалостной белой пустоты.

Я сижу в тесной, тускло освещенной подсобке гардероба на перевернутом пластиковом ящике и методично жую остывшую гречку с курицей. Еда в моем домашнем пищевом контейнере кажется безвкусной, словно жеваная бумага. Я запиваю обед горячим, горьковатым травяным чаем из старого стального термоса. Мой желудок неохотно принимает пищу, сжавшись от внутреннего напряжения, но я заставляю себя проглотить каждую ложку, не оставляя ни крошки. Эмоции сжигают калории гораздо быстрее, чем тяжелый физический труд, а на Севере пустой желудок - это всегда первая ступень к потере концентрации, обморожению и смерти. Тело должно вырабатывать тепло. Тело должно быть готово к перегрузкам.

В голове, словно заевшая пластинка, непрерывно крутятся координаты, которые прошлой ночью, заикаясь, скуля и размазывая по бледному лицу грязные слезы, выдал мне Эрик. Заимка «Волчий клык». Дальний таежный кордон, куда мой идеальный муж годами втайне свозил неучтенные наличные, готовя себе безупречный запасной аэродром для по-

бега с молодой любовницей. Железный сейф, намертво вваренный в скальный фундамент под бревенчатым полом. Вот, значит, во что конвертировалась наша с ним жизнь.

Я отставляю пустой контейнер и смотрю на свои руки, освещенные мигающей люминесцентной лампой. Сухая кожа, проступающая синева вен, сеть мелких, застарелых шрамов на подушечках пальцев от острых вязальных спиц. Мне шестьдесят пять лет. Мое правое колено отзывается тупой, ноющей болью на каждую перемену погоды, а поясница каменеет после долгого стояния на ногах у стойки.

Я трезво и абсолютно безжалостно оцениваю свои физические ресурсы. Я не героиня дешевых боевиков, способная в один миг скинуть тридцать лет и превратиться в неуязвимого солдата. Я не дойду до заимки пешком по глубокому снегу. Городской комфортабельный внедорожник Аркадия, ключи от которого висят в нашей прихожей, застрянет на первых же километрах северного бездорожья. Чтобы добраться до денег, которые по праву принадлежат мне, чтобы сломать тщательно выстроенный план мужа по моей принудительной утилизации в психиатрический интернат, мне нужна тяжелая гусеничная техника. И мне нужен тот, кто сможет научить меня ею управлять в кратчайшие сроки.

Я закрываю термос. Ополаскиваю контейнер под тонкой струей ледяной воды из технической раковины, насухо вытираю руки дешевым бумажным полотенцем, расправляю складки на своей плотной серой юбке и выхожу обратно в

свой подвал, за длинный барьер гардероба.

Настенные часы показывают половину третьего. Самое тихое время. Поток посетителей торгового центра иссяк, эскалатор монотонно лязгает металлическими ступенями вхолостую. В воздухе висит привычный, душный коктейль из запахов мокрой овечьей шерсти, талого снега, резины зимних сапог и пережженного сахара из кофейного автомата, стоящего у лестницы.

Ступени эскалатора приносят нового посетителя. Мужчина подходит к барьеру.

Мой взгляд, десятилетиями натренированный на чтение изнанки человеческих жизней по их одежде, мгновенно фиксирует разительный контраст. На нем нет лощенного итальянского кашемира, статусных брендовых пуховиков с пушистыми меховыми опушками или дорогих шарфов. На нем нет ничего от того глянцевого, насквозь фальшивого мира, в котором привык обитать Аркадий.

Мужчина одет в профессиональную, тяжелую полярную штормовку из плотной мембранной ткани. Ткань выцвела на плечах от агрессивного северного солнца и морской соли, но швы абсолютно целы. На ногах - высокие, практичные меховые унты на толстой подошве. Я помню такие куртки. В лихие девяностые, когда мы с Аркадием только начинали свой бизнес, мой муж носил похожие вещи. Я сама зашивала ему прорехи суровыми нитками после его выездов в тайгу. Но потом Аркадий оброс жиром, статусом и презрением к чер-

новой работе.

Этот же посетитель не принес с собой шлейф удушающего дорогого парфюма или элитной оружейной смазки. В стерильный, пластиковый воздух торгового подвала вместе с ним врывается терпкий, настоящий запах Севера. От него веет березовым дымом, крепким морозом, промерзшей кожей и едва уловимым, но очень специфическим ароматом сырой собачьей шерсти.

Мужчина молча расстегивает куртку и стягивает ее с широких плеч. Я наконец вижу его лицо. Оно обветрено до цвета темной меди, изрезано глубокими, жесткими морщинами у глаз, а левую щеку пересекает старый, неровный белесый шрам - верный след серьезного, давнего обморожения.

- Пожалуйста, - ровно произношу я, дежурным жестом протягивая руку над барьером.

Он коротко кивает, передавая мне тяжелую вещь. В тот момент, когда я перекидываю куртку через предплечье, изношенная металлическая молния на его внутреннем нагрудном кармане внезапно расходится, не выдержав веса.

На гладкий пластик моей стойки с тяжелым, глухим стуком выпадает массивный прибор в защитном прорезиненном корпусе. Профессиональный спутниковый навигатор. Вещь дорогая и жизненно необходимая там, где глухая тундра сводит на нет любые сигналы сотовых вышек.

Я абсолютно спокойно, без лишней суеты подвигаю прибор обратно к краю барьера. Мужчина тихо чертыхает-

ся сквозь зубы, подхватывает навигатор своими крупными, огрубевшими ладонями, но задерживается у стойки. Я сразу вижу проблему. От неудачного удара лопнул толстый кожаный ремешок-темляк, за который прибор, судя по всему, крепился к карабину на поясе или разгрузке.

Мужчина пытается связать разорванные концы на весу. Его пальцы, явно привыкшие к тяжелому физическому труду, с трудом справляются с дубовой, промерзшей на улице кожей. Толстый шнур скользит, узел упрямо распадается раз за разом. Мужчина хмурится, его челюсти напряженно сжимаются.

- Позвольте, - тихо, но властно говорю я.

Я не дожидаясь его согласия или удивленных взглядов. Мои руки сами ложатся на холодный, неподатливый материал, забирая его у мужчины.

Традиционный поморский узор - это не просто красивый рисунок на овечьей шерсти. Это сложнейшая, многоуровневая геометрическая голограмма. Когда мой муж с деланным сочувствием перепрятывал мои вещи, уверяя окружающих в моем прогрессирующем слабоумии, я по ночам брала в руки стальные спицы. Я высчитывала в уме сложные перекресты нитей, удерживая пространственную матрицу полотна на триста петель. Я знала: человек, чей мозг разрушается сосудистой деменцией, не способен на такую строгую, кристальную математику. Вязание было моим ежедневным тестом на вменяемость. Моим спасательным кругом.

Для меня эти два обрывка жесткой кожи сейчас - просто очень толстая, непослушная пряжа. Мои пальцы, двигаясь на вбитой десятилетиями мышечной памяти, делают точный захват. Левый конец уходит под правый. Накид. Формирование закрытой петли. Я плавно протягиваю свободный край сквозь образовавшееся ушко, делаю обратный перекрест и с силой, используя вес собственного корпуса, затягиваю узел в противоположные стороны.

Кожа издает сухой скрип и намертво фиксируется в идеальный, симметричный кельтский замок. Узел, который равномерно распределяет нагрузку и не развяжется сам ни при каких обстоятельствах.

Я отпускаю ремешок и возвращаюсь на свой высокий рабочий стул, привычно выпрямляя спину.

Мужчина замирает. Он берется за концы шнура и с силой, явно испытывая конструкцию на прочность, дергает их в разные стороны. Замок даже не шевелится. Только после этого он медленно поднимает голову и впервые по-настоящему фокусирует на мне свой взгляд.

Камуфляж прозрачной старушки-гардеробщицы слетает как шелуха. Он больше не видит во мне удобный обслуживающий персонал, безликую функцию по приему курток. Его серые, колющие глаза внимательно сканируют мое лицо, подмечая и прямую осанку, и спокойный, лишенный старческой суетливости взгляд.

- Откуда у вас такая выверенная вязка? - его голос звучит

низко, с хрипотцой, но в нем нет ни грамма мужского снисхождения. Только искреннее удивление человека, который знает цену надежным вещам в полевых условиях. - Такой замок на обледенелой снасти хрен порвешь.

- Математика везде одна, - безэмоционально отвечаю я, аккуратно складывая руки на коленях. - Ошибка в одной петле неизбежно приведет к перекосу всего полотна. На Севере законы натяжения нити и законы выживания абсолютно одинаковы. Где неплотно стянуто, там обязательно порвется под первой же нагрузкой.

В воздухе между нами повисает короткая, звенящая пауза. В ней нет места нелепому кокетству или пафосным вздохам. Это мгновенное, молчаливое сканирование «свой-чужой». Мы оба битые жизнью люди, покрытые шрамами - кто-то снаружи, как он, кто-то внутри, как я. И он только что безошибочно считал мой внутренний, стальной стержень.

Я выдаю ему тяжелый латунный номерок. Он берет его, собираясь уходить к лестнице.

Я смотрю на жесткую, белую шерстинку, прилипшую к сукну его плотного свитера под горло. Мой мозг складывает этот визуальный факт с запахом, который он принес с собой.

- Вы держите ездовых собак? - мой голос настигает его уже в нескольких шагах от стойки.

Он останавливается. Оборачивается, слегка приподняв густые седеющие брови.

- Питомник «Снежные псы», - коротко отвечает он. -

Аляскинские маламуты и сибирские хаски. Трансфер в тундру, туристические экспедиции. Я Лоскутов. Фёдор Лоскутов.

Мой пульс замедляется до ровного, расчетливого ритма выживания. Это именно тот инструмент, который Север подбросил мне в ответ на мою решимость.

- Мне нужна серьезная услуга, Фёдор Лоскутов, - говорю я, глядя ему прямо в глаза и не повышая голоса. - И я готова очень хорошо за нее заплатить наличными. Мне нужно, чтобы вы научили меня управлять тяжелым утилитарным снегоходом. И мне нужно арендовать вашу технику на несколько дней.

Его обветренное лицо каменеет. Он окидывает тяжелым взглядом мою серую униформу, седые волосы, собранные в строгий рабочий пучок. Управлять тяжелым снегоходом в глубоком снегу - задача, выматывающая даже крепких мужиков. Машина с полным баком весит под триста килограммов, и если она завалится на бок в сугробе, вытащить ее в одиночку почти невозможно.

- Техника не терпит суеты и слабых рук, - медленно произносит он, его тон становится жестким. - Это не прогулка по городскому парку. Для чего вам это понадобилось?

Мне нужна правдоподобная легенда. Я не могу рассказать первому встречному, пусть и вызвавшему мое уважение, о черной бухгалтерии мужа, любовнице и тайнике в лесу. И я использую самое мощное оружие, которое у меня есть - чу-

жую ложь. Я обращаю многомесячный газлайтинг Аркадия в свою абсолютную пользу.

Я позволяю себе тонкую, горькую усмешку.

- Мой муж всем нашим общим знакомым рассказывает, что моя память сдает. Что я опасна для себя самой, путаю имена, забываю выключать плиту и впадаю в необратимый старческий маразм, - я делаю шаг ближе к барьеру, опираясь ладонями о пластик. - Он так усердно старается убедить в этом мир, что я решила полностью соответствовать его ожиданиям. Хочу сделать что-то по-настоящему сумасшедшее, пока меня окончательно не списали в утиль и не заперли в четырех мягких стенах интерната. Считайте это старческой блажью. Мои деньги ничем не хуже любых других.

Фёдор щурится. Его взгляд становится пронзительным, словно он пытается просветить меня рентгеном насквозь. Я ясно вижу по его глазам - он не верит ни единому моему слову про маразм. Он видел, как мои руки вязали идеальный узел, он слышал мою безупречную, ледяную логику. Но на Севере есть одно негласное, железное правило: никогда не лезть человеку в душу и не задавать лишних вопросов, если тебя об этом не просят. У каждого здесь свои демоны и свои битвы.

Он молча сует руку в глубокий карман походных брюк. Достает плотную визитку из шероховатого крафтового картона и кладет ее на пластик моей стойки.

- Приезжайте завтра утром на базу питомника, - говорит

он ровно, без тени улыбки. - Посмотрим на вашу блажь в деле. И проверим, не оторвет ли вам руль руки на первом же хорошем сугробе.

Он разворачивается и тяжелым, размеренным шагом идет к эскалатору, унося с собой запах костра и мороза.

Я беру визитку. Провожу подушечкой большого пальца по выбитым буквам, чувствуя рельеф плотной бумаги. Опускаю карточку в глубокий внутренний карман своей юбки, пряча ее так же надежно, как прячу свои мысли.

Я смотрю на настенные часы. До конца моей смены остается три часа. Потом я вернусь в свою душную, подогреваемую элитную квартиру. Я снова надену маску покорной, слабеющей жены. Завтра утром у меня законный выходной. И я знаю, что время работает против меня. На флешке, которую я скопировала, были черновики исков о лишении дееспособности. А значит, со дня на день Аркадий попытается сделать свой следующий ход - подsunуть мне на подпись нужные ему юридические или медицинские бумаги, пользуясь моим мнимым маразмом.

Он думает, что расставил фигуры на доске и прижал меня к краю. Но он не понимает, что я уже давно смахнула эти фигуры на пол. Я достаю из ящика стола длинные стальные спицы, привычно перехватываю моток темно-синей пряжи. Металл тихо, успокаивающе звякает в тишине подвала.

Инструмент найден. Маршрут до тайника известен. Я делаю первую петлю нового узора, и мои руки абсолютно спо-

КОЙНЫ.

Глава 7. Безумие по заказу

- Только пару подписей, Дашенька. Простая формальность, - голос Аркадия льется мягко, густо, словно дорогой сироп.

Я стою у кухонного острова из черного мрамора, с усилием раскатывая деревянной скалкой тугое, послушное тесто для ягодной галеты. Мои руки по локоть в белой муке. На плите тихо булькает вишневый конфитюр, по всей квартире плывет густой, уютный запах ванили, теплого сливочного масла и свежесваренного кофе. Мой холодильник забит под завязку: свежая зелень, фермерский творог, охлажденное мясо. Я всегда была безупречной хозяйкой. И именно этот идеальный, бесперебойный быт Аркадий годами использовал как фон для моей мнимой неполноценности.

Мой муж стоит в дверях кухни, одетый с иголочки. Белоснежная сорочка, кашемировый пиджак, легкий аромат хорошего лосьона после бритья, сквозь который пробивается въевшаяся в его кожу оружейная смазка. Он выглядит свежим и абсолютно уверенным в своем превосходстве.

А за его спиной мнется незнакомый мужчина с тяжелым кожаным портфелем.

- У нас ведь сегодня выходной, Дашенька, - ласково продолжает Аркадий, делая шаг в кухню. - Я решил, что тянуть больше нельзя. Это инженер из нашей управляющей ком-

пани. Помнишь, я говорил про замену аварийного стояка? Квартира оформлена на нас двоих, нужно согласие всех собственников, чтобы рабочие могли начать демонтаж трубы.

Я откладываю скалку. Вытираю руки о льняное полотенце и медленно перевожу взгляд на гостя.

Северная зима не прощает легкомысленной обуви. У нас на улицах сейчас ледяная каша, перемешанная с едкими химическими реагентами. Но туфли инженера из ЖЭКа сияют девственной, нетронутой чистотой итальянской кожи, словно он вышел из персонального автомобиля прямо на наш подогреваемый паркет. На его левом запястье, когда он нервно поправляет галстук, мелькает массивный хронограф. А воздух вокруг него пахнет кислым потом человека, который очень боится сделать ошибку, и этот животный страх густо залит тяжелым мужским парфюмом.

Это не слесарь. И не инженер. Мой внутренний сканер, натренированный на чтение людей по изнанке их воротников и мусору в карманах, выдает безошибочный результат.

Гость садится за барную стойку, стараясь не смотреть мне в глаза. Он щелкает тугими латунными замками портфеля и достает плотный лист бумаги.

- Вот здесь, пожалуйста, Дарья Сергеевна. В самом низу, - быстро бормочет он, пододвигая ко мне документ.

Аркадий встает вплотную ко мне. Он кладет на мрамор столешницы тяжелую перьевую ручку с золотым пером. Его плечо почти касается моего, и в этой близости нет ни грамма

тепла - только жесткий, контролирующий блок. Он физически перекрывает мне пространство для отступления.

Я опускаю глаза на бумагу. Текст перевернут вверх ногами, но мне не нужно читать его целиком. За сорок лет ведения бухгалтерии в лихие девяностые я научилась выхватывать суть документа за долю секунды. Синяя гербовая печать в правом нижнем углу. Специфические интервалы абзацев. Знакомые юридические формулировки, выровненные по ширине.

Это не согласие на ремонт труб. Это генеральная доверенность на управление всем моим имуществом с правом продажи и полного переоформления.

Пазл щелкает, занимая свое место в общей ужасающей картине. Нотариус. Прикормленный, жадный до денег Аркадия юрист, готовый закрыть глаза на формальности. Ловушка расставлена идеально. Если я сейчас устрою скандал, закричу, что меня пытаются обокрасть, или логично заявлю, что этот человек не из ЖЭКа - Аркадий получит именно то, чего добивался долгие месяцы. Он с трагическим лицом извинится перед гостем, скажет, что у жены острый приступ старческой паранойи, и прямо при свидетеле вызовет психиатрическую бригаду. И меня увезут в интернат уже сегодня вечером.

Север учит нас главному правилу выживания: если ты провалился под лед в черную воду, не пытайся плыть против течения. Замри. Позволь воде самой вытолкнуть тебя к

светлому просвету полыни.

Хочешь сумасшедшую жену, Аркаша? Получай.

Я беру перьевую ручку. Мои пальцы, привыкшие вслепую вывязывать математически сложные узлы из жесткой овечьей пряжи, сейчас послушно и безвольно слабеют. Ручка выскальзывает из руки и с противным стуком падает на бумагу, оставляя жирную чернильную кляксу прямо рядом с печатью нотариуса.

- Ох... - тихо, жалобно выдыхаю я.

Я позволяю мышцам лица полностью расслабиться. Губы приоткрываются, нижняя челюсть слегка отвисает. Взгляд мгновенно стекленеет, теряя фокус. Я смотрю не на нотариуса, а сквозь него, уставившись на хромированную вытяжку за его спиной.

- Даша? - в бархатном голосе Аркадия прорезается микроскопическая нота раздражения, но он быстро берет себя в руки. - Подними ручку, дорогая. Распишись, люди ждут.

- Радиация... - шепчу я, не мигая.

Нотариус ощутимо вздрагивает. Он непонимающе переводит взгляд с меня на Аркадия, его брови ползут вверх.

- Что, простите? - нервно переспрашивает юрист, инстинктивно втягивая голову в плечи.

- От вашего портфеля фонит, - мой голос становится абсолютно монотонным, лишенным любых интонаций, словно у сломанной куклы. Я начинаю мелко, ритмично раскачиваться на высоком стуле. - Мама говорила, что они пустят газ по

стояку. Крысы в трубах. У них маленькие камеры в красных глазах. Вы принесли крыс?

Я вижу, как зрачки нотариуса расширяются от неподдельного испуга. Одно дело - по-тихому поставить левую печать для забывчивой пенсионерки, которая путает дни недели или плохо видит текст. Совсем другое - стать соучастником крупного мошенничества с человеком, находящимся в состоянии тяжелейшего, очевидного психоза. Риски взлетают до небес.

- Аркадий Николаевич, - юрист стремительно бледнеет, отодвигаясь от столешницы. - Вы не предупреждали, что состояние вашей супруги настолько...

Мне нужно закрепить результат. Я не даю мужу ответить.

Я резко, по-звериному подаюсь вперед. Моя рука сметает с черного мраморного острова все, что на нем лежит. Тяжелая деревянная скалка с грохотом летит на пол. Сырое, липкое тесто с размаху шлепается на светлый кафель. Я хватаю открытую километровую пачку муки и с силой швыряю ее перед собой. Густое белое облако взмывает в воздух, оседая на идеальном кашемировом пиджаке Аркадия и на безупречных итальянских брюках нотариуса. Следом летит чашка с остывшим утренним кофе, заливая липкими коричневыми брызгами доверенность.

- Они отравили муку! - хриплю я, пуская тонкую струйку прозрачной слюны в уголке губ. Я хватаюсь руками за голову, впутывая мучные пальцы в седые волосы. - Мама! Мама,

скажи им, чтобы они ушли! Газ пошел!

Внутри этого дикого, унижительного спектакля мой разум остается кристально чистым и холодным. Я фиксирую каждую секунду. Я рассчитала траекторию падения чашки так, чтобы безвозвратно испортить документ, но не порезать осколками собственные руки. Я контролирую частоту своего дыхания. Это не истерика сумасшедшей - это строгая, безжалостная хореография выживания.

Нотариус вскакивает так резко, что стул за его спиной с грохотом валится на пол. Его лицо перекошено от ужаса и безразличия. Он судорожно стряхивает с себя муку, выхватывает испорченную, мокрую доверенность из кофейной лужи и комкает ее в кулаке.

- Вы в своем уме, Наумов?! - шипит юрист, пятясь к коридору. Его инстинкт самосохранения берет верх над любой взяткой. - Я не сяду в тюрьму из-за ваших черных схем! Завтра же ее дочь или органы опеки оспорят любую подписанную бумагу, и я пойду как соучастник! Ей нужна бригада в белых халатах, галоперидол и закрытая палата с мягкими стенами, а не мои услуги!

- Подождите, это просто временное помутнение, реакция на перемену давления... - Аркадий бросается за ним, отчаянно пытаясь удержать его за локоть.

Его идеальный план, выстраиваемый долгими месяцами, только что разлетелся на куски. И самое смешное, самое ироничное заключалось в том, что разрушил его сам Арка-

дий. Его многомесячный, методичный газлайтинг, которым он так гордился, сработал против него. Он слишком хорошо убедил всех в городе, включая меня саму, что я сумасшедшая. А сумасшедшие не подписывают генеральных доверенностей у нотариусов.

- Ноги моей здесь больше не будет! Умоляю, не звоните мне! - доносится из коридора панический, срывающийся голос юриста.

Хлопает тяжелая бронированная дверь.

На кухне повисает вязкая, звенящая тишина, нарушаемая только тихим бульканьем конфитюра на плите.

Аркадий возвращается. На его плечах белеет мучная пыль, на левой щеке нервно дергается мускул. Маска заботливого, скорбящего мужа сорвана окончательно, под ней обнажилась уродливая, пульсирующая от бессилия ярость. Он медленно подходит к кухонному острову. Он не бьет меня - он слишком прагматичен, чтобы оставлять на моем теле побои перед грядущей медицинской экспертизой.

Он просто смотрит на меня сверху вниз, опираясь кулаками о стол.

- Твои фокусы мне осточертели, Даша, - цедит он сквозь плотно сжатые зубы. Его голос больше не похож на бархат. Это звук работающей циркулярной пилы по металлу. - Я хотел сделать все тихо. Но раз так - завтра я решаю этот вопрос кардинально. Я звоню Кире, она вылетает из Питера первым же рейсом. Мы оформляем тебе принудительную госпитали-

зацию через комиссию. Считай часы.

Он резко разворачивается, срывает с вешалки свое пальто и снова хлопает дверью, отправляясь в офис спасать то, что еще можно спасти.

Глухой лязг замка становится для меня сигналом.

Как только торопливые шаги мужа стихают на лестничной клетке, моя сгорбленная спина мгновенно выпрямляется. Обвисшие мышцы лица подтягиваются, возвращая привычное, строгое выражение. Слюна брезгливо вытерта тыльной стороной ладони. Безумие сползает с меня, как старая, ненужная змеиная кожа, сброшенная на камни.

Я абсолютно, пугающе нормальна.

Я беру влажную салфетку из диспенсера и аккуратно вытираю мраморную столешницу. Затем поднимаю с пола скалку, собираю куски испорченного липкого теста в мусорный пакет. Буднично, методично, не оставляя ни единой белой крошки на кафеле.

Завтра он попытается лишить меня свободы окончательно, использовав нашу дочь. Юридический путь Аркадия провалился, а значит, он запаникует. Он попытается обналичить остатки кассы на заимке и сбежать в ближайшие дни, не дожидаясь долгих судов. Время пошло на часы.

Мне нужно опередить его. Я знаю название тайника, но тундра не прощает приблизительных координат.

Я вытираю руки насухо. Достаю из кармана домашнего кардигана свой старый, кнопочный телефон. Аркадий нико-

гда не проверял его, искренне считая, что я не умею пользоваться даже текстовыми сообщениями.

Я быстро набираю номер Эрика. Гудки не идут, я сразу сбрасываю вызов и открываю редактор сообщений. Мои пальцы, привыкшие к слепому чтению рельефа, набивают текст со скоростью пулемета.

- Буду у ТЦ через час. Жду у служебного входа, - ввожу я короткими, рублеными фразами. - Принеси точную карту до заимки. Иначе сдам тебя кредиторам.

Кнопка отправки. Телефон тихо вибрирует, подтверждая доставку.

Маятник качнулся в обратную сторону. Долгая оборона закончена. Я иду в спальню, чтобы достать из шкафа плотную, непродуваемую одежду. Мне предстоит получить маршрут, а затем - встреча с чужими собаками и человеком со шрамом на щеке. Фёдор Лоскутов ждет меня на своей базе. Я немного задержусь, но на Севере без точной карты никуда не ездят.

Глава 8. Координаты тайника

Запах пережженного сигаретного фильтра, сырости и кислого, застоявшегося мужского пота бьет в ноздри быстрее, чем мои глаза успевают привыкнуть к темноте глухого закутка.

Я стою между тремя переполненными пластиковыми мусорными контейнерами у служебного выхода торгового центра «Северное сияние». Ледяной ветер с Баренцева моря закручивает под ногами жесткую снежную крошку, с силой бросая ее в лицо горстями мелкого битого стекла. Я прячу руки глубже в карманы своего плотного, прямого шерстяного пальто, которое надела перед самым выходом из дома. На кутикуле моего указательного пальца все еще белеет микроскопическая крошка пшеничной муки высшего сорта. Единственное физическое, осязаемое напоминание о том идеальном, математически выверенном спектакле безумия, который я всего час назад устроила на своей подогреваемой кухне.

Мой муж так долго и старательно доказывал всему миру, что я выжила из ума, что оказался совершенно, катастрофически не готов к моменту, когда я действительно сошла с ума по его же собственному заказу. Лицо перепуганного нотариуса в белой мучной пыли до сих пор стоит у меня перед глазами, вызывая внутри холодную, почти змеиную усмешку.

Юридический капкан Аркадия захлопнулся вхолостую. Откусил сам себе стальные зубья. А значит, теперь загнанный в угол зверь запаникует по-настоящему. И начнет совершать ошибки.

Эрик выскакивает из-за кирпичного выступа котельной так резко, что едва не поскальзывается на намерзшем, бугристом льду. На нем тонкая, городская куртка цвета хаки - вещь, которая, возможно, неплохо смотрится в столичном баре или в салоне прогретого автомобиля, но здесь, на пробирающем до костей арктическом ветру, мгновенно превращается в бесполезный кусок холодного нейлона. Он дрожит крупной, некрасивой дрожью. И я абсолютно точно знаю, что этот озноб вызван не только морозом.

- Вы... вы опоздали, - срываясь на жалкий, сиплый фальцет, бормочет Эрик. Он воровато, по-крысиному оглядывается на черную пасть переулка, ожидая, что оттуда снова вынырнут местные отморозки, жаждущие переломать ему ноги за карточный долг.

- Я прихожу ровно тогда, когда считаю нужным, - мой голос звучит тихо, ровно, лишено любых эмоций, и от этого Эрик вздрагивает сильнее, чем от порыва ветра. - Что у тебя? Говори быстро, пока у тебя губы окончательно не посинели.

Он суетливо лезет за пазуху и вытаскивает сложенный вдвое кусок плотного, грязного картона, оторванного от какой-то упаковочной коробки.

- Вот. Тут всё, как вы просили, - он протягивает мне

картонку трясущимися, негнушимися пальцами. - Только не сдавайте меня. Пожалуйста. Я сестре ни слова не сказал про наш вчерашний уговор, клянусь здоровьем.

Я беру кусок картона, но не свожу ледяного, сканирующего взгляда с его покрасневших, слезящихся глаз. Север учит нас читать изнанку вещей и человеческих душ. Если человек так легко предает свою кровь из страха за собственную шкуру, он обязательно попытается выторговать себе еще немного безопасности за счет дополнительных секретов. Ему нужно доказать мне свою полезность. Ему жизненно необходимо, чтобы я увидела в нем ценность и не выбросила обратно на улицу.

- Аркадий звонил в сервис, - слова сыплются из Эрика торопливой, сбивчивой очередью, пока он переминается с ноги на ногу. - Полчаса назад. Он орал так, что у механиков гачные ключи из рук падали. Сказал, что планы резко меняются. Приказал мне срочно, до завтрашнего вечера, расконсервировать «Медведя». Это тяжелый утилитарный снегоход, «Ямаха». Велел залить баки под самое горлышко, проверить волокуши, накинуть запасные канистры с бензином. Он уезжает на заимку завтра в ночь. Сказал, что больше ждать нельзя, иначе счета арестуют.

Пазл со звонким, металлическим щелчком встает на свое место. Моя кухонная диверсия с сорванной доверенностью сработала даже лучше, чем я ожидала. Аркадий понял, что законным путем переписать на себя мои активы быстро не

выйдет. Завтра прилетит наша дочь, начнутся комиссии, долгие медицинские освидетельствования, бумажная волокита, которая может занять месяцы. Времени у него нет. Он решил забрать главную, нигде не учтенную ценность - бумажную наличность из таежного сейфа - и исчезнуть, оставив меня разбираться с руинами его фиктивно обанкроченного бизнеса.

- А Лаванда? - ровно спрашиваю я, не меняя позы. - Она едет с ним?

Эрик нервно сглатывает. Его кадык судорожно дергается над расстегнутым воротником. Он смотрит на меня, словно решаясь перешагнуть невидимую, высоковольтную черту, и наконец делает это.

- Настя... она не дура, - шепчет парень, наклоняясь ко мне ближе, чтобы ветер не унес его слова. - Она видит, что старик сейчас в панике. Он стал дерганным, ошибается. Насте не нужен этот балласт. У нее свой план. И она меня убьет, если узнает, что я вам рассказал.

- Слушаю, - я не показываю ни удивления, ни презрения. Просто механизм по сбору данных.

- Она велела мне подготовить вторую машину. Втайне от Аркадия, - глаза Эрика лихорадочно блещут в тусклом свете. - «Саммит». Легкий горный спортивный снегоход. Я должен отогнать его сегодня ночью на просеку за городом и спрятать под брезентом у старой ЛЭП, ключи оставить в бардачке.

- И зачем ей два снегохода? - я задаю вопрос, хотя в мо-

ей голове уже выстраивается идеальная, пугающая в своей прагматичности схема.

- Старик сильный, - криво усмехается Эрик, и в этой жалкой усмешке проглядывает вся гнилая порода их семьи. - Он сам вытащит тяжелые железные ящики с кэшем из тайника. Сейф намертво вварен в скалу под домом на заимке, там возни на пару часов с ломом и монтировкой на лютom морозе. А потом... у Насти есть термос с особым чаем. И препараты, которые она попросила меня забрать закладкой на окраине три дня назад. Купила через даркнет. Очень мощный транквилизатор, снотворное.

Он делает паузу, втягивая носом сопли.

- Она просто даст ему согреться и выпить чаю после тяжелой работы. Он уснет прямо за столом. Настя перегрузит рюкзаки с деньгами на свой «Саммит» и уйдет по накатанной колее обратно к трассе одна. А оттуда - на такси в аэропорт Мурманска. Старик замерзнет к утру, когда печь в домике прогорит. И ни один следователь в мире не докажет, что это не обычная остановка сердца от переохлаждения в тайге. Пьяный охотник заснул и не проснулся. Классика.

Внутри меня не вспыхивает возмущение. Я не чувствую ни капли жалости к Аркадию. Мужчины вроде моего мужа искренне верят, что могут безнаказанно управлять миром, опираясь на свой статус, банковский счет и дорогой лосьон после бритья. Они меняют жен, как изношенные приводные ремни на своей технике, свято веря в собственную неуязви-

мость. Аркадий купил себе молодую, упругую плоть, наивно полагая, что вместе с ней приобрел собачью преданность. Идеальный хищник, методично списывающий старую жену в психиатрический интернат ради новой жизни, сам оказался куском мяса для более проворного, молодого хищника.

Лаванда видит в нем лишь тягловую лошадь. Старого, глупого мула, которого нужно пристрелить, как только он затащит груженую телегу на вершину горы. В этом есть потрясающая, абсолютная и жестокая симметрия.

Но я не позволю им делить мои деньги.

- Уезжай из города, Эрик, - сухо бросаю я, отступая на шаг от воняющего мусорного бака. - Прямо сегодня. На ночном поезде, на попутных фурах - мне абсолютно плевать. Если я или твои кредиторы увидим тебя здесь завтра, ты знаешь, что будет с твоими коленями. Копия бухгалтерской базы данных твоей сестры все еще у меня.

Эрику не нужно повторять дважды. Он кивает с такой силой, что чуть не сворачивает себе шею, резко разворачивается и растворяется в темноте аллеи, спасая свою никчемную жизнь.

Я остаюсь одна в ревущей пустоте. Медленно подхожу к кирпичной стене котельной, туда, где падает желтый, болезненный свет от старого уличного фонаря. Разворачиваю картонку.

Она жесткая, замерзшая. Шариковая ручка Эрика то и дело отказывалась писать на морозе, оставляя на картоне рва-

ные, бесцветные борозды. Но мне хватает и этого. Мой мозг, десятилетиями удерживающий в памяти сложнейшие многоуровневые узоры поморской вязки на триста петель, мгновенно переводит эти корявые каракули в строгую пространственную матрицу.

Это не городская карта с удобными, освещенными улицами. Это координаты дикой тундры. Ориентиры, понятные только местным охотникам: «Кривая береза у скалы», «Замерзшее торфяное болото», «Ледяной лог». Сто километров по прямой через белую, абсолютно пустую смерть.

Я опускаю картонку и смотрю на свои руки. На синие вены, проступающие сквозь тонкую, пергаментную кожу. На суставы, которые предательски ноют к каждой смене погоды.

Я не обманываю себя иллюзиями из дешевых женских романов. Я прекрасно понимаю физику этого жестокого мира. Тяжелый утилитарный снегоход с полным баком топлива весит около трехсот килограммов. Городской комфортабельный внедорожник Аркадия завязнет на первых же пяти километрах северной целины. А если я сяду на легкую, спортивную машину, которую приготовила себе Лаванда, и завалю ее на бок в глубоком снежном пухляке - мне никогда в жизни не хватит сил поставить ее обратно на лыжи. Я просто останусь лежать рядом с гусеницей, пока мороз не высосет из меня последнее тепло и не остановит сердце.

На Севере одной злости и жгучего желания отомстить критически недостаточно. Мечь не согреет тебя при минус

тридцати градусах, когда ветер выдувает остатки кислорода из легких. Ошибка в расчетах здесь не приводит к семейному скандалу - она приводит к смерти. Мне нужна тяжелая машина. И мне нужны базовые, вбитые в мышечную память рефлексy управления ею. Мне нужен учитель, который не задает лишних вопросов.

Упоминание Эрика о завтрашнем дне запускает в моей голове еще один таймер. Завтра прилетает Кира. Моя единственная дочь. Девочка, которой я когда-то заплетала непослушные косы и которой долгими ночами вязала теплые носки из козьего пуха. Аркадий потратил последние полгода, чтобы филигранно, хирургически точно перерезать нашу с ней невидимую пуповину. Он методично вливал ей в уши сладкий, липкий яд о моей прогрессирующей неадекватности. Он покупал ее лояльность квартирами в Питере, параллельно вздыхая в трубку о том, как тяжело нести крест мужа сумасшедшей женщины.

И Кира поверила. Из двух родителей она прагматично выбрала сторону сильного и богатого.

Завтра она переступит порог нашей квартиры не как любящая дочь, а как надзиратель. Как полноправный соучастник моего узаконенного стирания из жизни. Я чувствую короткий, тупой спазм где-то под ребрами, фантомную боль от ампутированного материнства. Но я тут же заливаю эту саднящую рану ледяной водой своего нового, северного спокойствия. Дети вырастают и делают свой собственный выбор.

Мой выбор - не дать загнать себя на бойню.

Я работаю в гардеробе по графику «два через два». Завтра у меня мой второй законный выходной. Я не спущусь в душный подвал торгового центра, не буду принимать чужие мокрые куртки и перебирать латунные номерки.

Аркадий будет слишком занят. Его ждет изматывающий день: нужно встретить Киру в аэропорту, нужно организовать нужных, продажных врачей для психиатрической комиссии, нужно замести бумажные следы в офисе перед своим ночным побегом. Он даже не вспомнит обо мне, абсолютно уверенный, что я покорно сижу на диване в душевной гостиной, глотаю его пустышки и пускаю слюни на дорогой ковер.

Это мое идеальное слепое пятно. Мое временное окно возможностей, пока они все смотрят в другую сторону.

Я аккуратно складываю картонную схему Эрика и прячу ее глубоко за пазуху, под шерсть пальто, поближе к телу. Затем опускаю правую руку во внутренний карман и нащупываю там другой предмет. Плотный, шероховатый крафтовый картон с выдавленными буквами.

Я провожу подушечкой большого пальца по рельефу шрифта, чувствуя его жесткие, бескомпромиссные грани. Визитка, которую мне сегодня днем оставил человек с тяжелым взглядом и старым белесым шрамом на щеке. Фёдор Лоскутов. Владелец питомника «Снежные псы».

Ветер снова бьет в спину, заставляя уличный фонарь

раскачиваться и надсадно скрипеть промерзшими ржавыми петлями. Воздух густеет, тяжелеет. Над городом собирается настоящая арктическая буря. Я разворачиваюсь и уверенно шагаю в темноту переулка, прочь от стеклянных дверей торгового центра. У меня есть спрятанные наличные деньги. У меня есть идеальная, годами выстраиваемая мужем легенда о моем старческом безумии, которая объяснит любые мои странные поступки. Завтра утром я поеду на окраину города, к собакам и снегу, и куплю себе навыки, которые помогут мне забрать мою собственную жизнь обратно.

Время пошло. И с каждой минутой мороз становится только крепче.

Глава 9. Собачье сердце

Плотный брикет пятитысячных купюр издал глухой, влажный хлопок, ударившись о неструганую доску уличного стола. Вчера вечером, после разговора с Эриком у мусорных баков, я вернулась через служебный вход в пустой торговый центр и выгребла из старой жестяной коробки в своем шкафчике все до последней копейки. Мой секретный фонд, моя многолетняя бумажная броня теперь лежала здесь, на покрытом инеем дереве.

Я убрала озябшую руку обратно в глубокий карман шерстяного пальто.

- Двойной тариф за срочность, - сказала я, глядя прямо в обветренное лицо Фёдора Лоскутова. - Мне нужна тяжелая утилитарная машина на два дня. И базовые навыки управления ею. Сегодня.

Здесь, на самой окраине города, где заканчивался разъеденный химическими реагентами асфальт и начиналась глухая, бескрайняя тундра, воздух был совершенно другим. Он обжигал гортань, пах сырой березовой корой, выхлопными газами снегоходов и густым, первобытным духом собачьей шерсти. Вокруг нас, за прочными металлическими сетками просторных бревенчатых вольеров, перекачивался низкий, вибрирующий гул. Десятки маламутов и хаски чуяли чужака.

Фёдор стоял напротив меня в потертой штормовке, тяжело опираясь на длинный железный скребок для уборки льда. На его жесткой бороде застыла белая изморозь. Он даже не опустил взгляд на деньги. Его колючие, выцветшие глаза сканировали меня с той же безжалостной прагматичностью, с какой опытный механик осматривает треснувшую раму двигателя.

- Спрячьте кассу, Дарья Сергеевна, - ровно ответил он. Его голос с хрипотцой легко перекрывал собачий лай, не повышаясь до крика. - Я не сдаю технику в аренду для изощренного самоубийства. Какие бы там старческие блажи или семейные разборки вас ни толкали на подвиги.

Я не сдвинулась с места. Я не стала возмущаться, топтать ногой или разыгрывать оскорбленную женскую гордость. Серж не верит слезам, он верит только фактам.

- Это вопрос цены? - спросила я, не мигая.

- Это вопрос физики, - Фёдор с силой воткнул скребок в плотный сугроб. - Утилитарный «Викинг» с полным баком горючего весит триста килограммов. Это неповоротливый железный утюг. Стоит вам выехать на пухляк - рыхлый снег, - и одна лыжа зароется под наст. Машина неминуемо завалится на бок. Чтобы поставить ее обратно, нужен крепкий рычаг, жесткая спина и мужская дурь. У вас нет ни того, ни другого. Вы останетесь лежать рядом с гусеницей и замёрзнете насмерть через пару часов.

Я спокойно выслушала его лекцию. Мой мозг, привыкший

десятилетиями раскладывать хаос на четкие математические схемы и строгие узоры, мгновенно отфильтровал эмоции и вычленил суть задачи.

- Значит, вы должны научить меня так распределять вес тела на подножках, чтобы лыжа не ушла под наст, - я чуть наклонила голову. - Как именно это сделать на практике?

Фёдор нахмурился. Моя железобетонная, лишённая эмоций логика явно сбивала его с привычного алгоритма. Городские клиентки обычно начинали спорить или капризничать, но я требовала сухую инструкцию. Он уже открыл рот, чтобы выдать мне очередной безапелляционный отказ, но в этот момент со стороны дальних вольеров раздался звук, от которого у нормального человека стынет кровь в жилах.

Это был не привычный лай. Это был высокий, пронзительный визг боли, мгновенно перешедший в хриплое, булькающее клокотание.

Фёдор сорвался с места так резко, что с его плеч слетела снежная пыль. Я быстро зашагала следом, игнорируя тупую, пульсирующую боль в правом колене.

У крайнего вольера на коленях в снегу сидел молодой парень в яркой синей куртке - помощник Фёдора. Его колотила крупная дрожь. Рядом лежал опрокинутый железный таз с вареными субпродуктами. А у самой сетки-рабицы, неистово извиваясь и клацающая челюстями от болевого шока, бился огромный, килограммов под пятьдесят, серый кобель маламута.

Мой взгляд мгновенно считал картину произошедшего. Недосмотр. Парнишка поленился починить порванный край жесткой металлической сетки на стыке с деревянной опорой. Пес, пытаясь дотянуться до выпавшего из таза куска требухи, рванулся вперед и со всей дури напоролся на торчащий ржавый прут. Острое железо распороло ему заднее бедро, как бритвой.

Кровь выглядела неестественно, пугающе яркой на белом насте. Она густыми толчками выплескивалась из глубокой рваной раны, заливая густую шерсть животного.

- Держи его, мать твою! - рявкнул Фёдор, падая на колени и пытаясь перехватить извивающуюся, скользкую от крови собаку за плотный ошейник. - Аптечку из сарая, живо!

Но парень в синей куртке был абсолютно бесполезен. Вид пульсирующей крови полностью парализовал его. Он что-то невнятно заблеял, попятился на четвереньках, и его шумно, надсадно вырвало прямо на снег у деревянной калитки.

Городские мальчишки искренне думают, что Север - это красивые фотографии хаски для социальных сетей и романтика костра. Они ломаются при первом же столкновении с грязной физиологией смерти.

До ветеринарной клиники в городе минимум час езды по обледенелой трассе. Пес истечет кровью раньше, чем мы прогреем двигатель машины. Шить нужно было здесь. На морозе. Наживую.

Я не испытывала ни страха, ни брезгливого отвращения.

В девяностые, когда Аркадий только начинал свой бизнес и пропадал на неделях в тайге, мне приходилось разделявать привезенные им туши лосей прямо в нашей старой городской ванной, пока он отсыпался. Плоть есть плоть. У нее есть свои запахи и свои законы прочности.

Я стянула с рук теплые кожаные перчатки и сунула их в глубокие карманы. Быстрым шагом метнулась к открытой двери сарая, сорвала со стены пластиковый красный короб аптечки и вернулась к вольеру.

- Отвали, Дарья, он тебе пальцы отхватит! - прохрипел Фёдор. Он навалился на собаку всем своим немалым весом, вдавливая хрипящего пса в снег. Кобель сучил мощными лапами, его желтые глаза выкатились от животной паники.

- Вы жестко фиксируете голову и корпус, - мой голос прозвучал так же буднично, словно я просила передать мне соль за обеденным столом. - Я шью. Вы физически не справитесь с этим одной рукой.

Я опустилась на колени прямо в липкий, пропитанный кровью снег. Щелкнула пластиковыми замками аптечки. Мои пальцы действовали с механической точностью. Ампула ветеринарного лидокаина. Одноразовый шприц. Я набрала препарат и передала его Фёдору. Он не стал спорить - просто выхватил пластик и уверенно всадил иглу в мышцу пса выше разрыва.

Пока мы ждали несколько бесконечных секунд, чтобы подействовала местная заморозка, я достала из блистера изо-

гнутую хирургическую иглу с уже вдетой в нее толстой шелковой нитью.

- Держите крепче, сейчас он дернется, - предупредила я.

Я придвинулась вплотную к ране. От горячего, пульсирующего мяса в морозный воздух поднимался тонкий беле- сый пар. Я никогда не училась на хирурга, но мой мозг ви- дел перед собой не кровоточащее бедро. Он видел сложней- шую пространственную задачу. Разорванное полотно, кото- рое нужно стянуть так, чтобы края идеально, симметрично совпали. Ошибка в натяжении неизбежно приведет к пере- косу. Стянешь слишком слабо - и рана разойдется при пер- вом же прыжке. Затянешь слишком туго - нить прорежет ко- жу под мышечной нагрузкой.

Это просто очень жесткая, непослушная пряжа. Кельт- ский узел. Лицевая. Изнаночная. Накид.

Я сделала первый прокол. Кожа собаки была невероятно плотной, игла прошла с тупым, ощутимым хрустом. Кобель глухо, утробно зарычал, Фёдор навалился на него еще силь- нее, его штормовка затрещала по швам на плечах.

Кровь горячим ручейком побежала по моим голым паль- цам, впитываясь под сухие кутикулы. Мои руки не дрожа- ли. Я стянула края. Сделала двойной хирургический узел, намертво зафиксировав нить. Отступила ровно на один сан- тиметр. Снова прокол. Выверенное, математически точное натяжение.

Мир вокруг сузился до куска рваного бедра и стальной

иглы. Я не слышала завывания других собак в соседних во-
льерах. Я не чувствовала колючего ледяного ветра, который
пробирался под мое пальто. Мои пальцы привычно и рит-
мично выполняли свою работу, словно я сидела на своем вы-
соком рабочем стуле в подвале торгового центра и вывязы-
вала сложный воротник поморского свитера.

Край левого рукава моего пальто и выступающая из-под
него манжета серого шерстяного свитера насквозь пропита-
лись бурым. Это не имело абсолютно никакого значения.
Важна была только геометрия шва.

Восемь стежков. Идеально ровных, расположенных на аб-
солютно одинаковом расстоянии друг от друга. Рана закры-
лась, превратившись в аккуратную, плотно стянутую нитью
полосу. Кровотечение остановилось.

Я откусила остаток нити зубами и отложила иглу на крыш-
ку аптечки.

- Всё, - ровно произнесла я.

Фёдор медленно, осторожно ослабил хватку. Пес, одурма-
ненный болевым шоком и ударной дозой лидокаина, тяжело
задышал, положив тяжелую морду на скрещенные лапы, но
больше не пытался вырваться.

Я тяжело поднялась с колен. Спина отозвалась резким,
згучим прострелом боли, но я плотно сжала челюсти и да-
же не поморщилась. Подошла к уличному ручейнику, сде-
ланному из старой железной бочки. Открыла тугой кран. Ле-
дяная, обжигающая вода полилась на мои окровавленные ру-

ки. Я методично смыла красную пену с кожи, совершенно не обращая внимания на то, что пальцы моментально посинели и потеряли чувствительность от холода.

Вытерев руки о жесткое вафельное полотенце, висевшее на ржавом гвозде, я обернулась.

Помощник в синей куртке исчез, позорно сбежав в теплую бытовку. Фёдор сидел на корточках возле пса. Он внимательно изучал мой шов. Затем он медленно поднял голову и посмотрел на меня.

В его взгляде больше не было ни капли снисхождения профессионального каюра к городской пенсионерке. Камуфляж прозрачной, выживающей из ума старухи сгорел дотла в ту самую секунду, когда моя игла вошла в плоть. Он видел перед собой человека, у которого выжжены все нервные окончания, отвечающие за истерику и панику. Человека с мертвой, бульдожьей хваткой.

- У вас руки не дрогнули ни разу, - медленно произнес Фёдор, поднимаясь и отряхивая налипший снег с колен. - Вы не из-за скуки на тяжелую технику лезете. Вы на войну собрались. И вам нужен транспорт, чтобы кого-то достать.

- Ошибаетесь, - я опустила заledenевшие руки обратно в карманы пальто, чувствуя, как влажная шерсть манжет неприятно холодит запястья. - Мне нужен транспорт, чтобы достать свое. Так мы начнем занятия, Фёдор, или мне возвращаться в город и искать того, кто менее разборчив в учениках?

Пауза повисла в морозном воздухе, тяжелая, плотная и осязаемая.

Фёдор молча подошел к деревянному столу. Он сгреб мою пачку денег своей широкой ладонью и сунул купюры в глубокий карман штормовки.

Затем он снял с крючка на деревянном столбе тяжелый, матово-черный защитный шлем с двойным стеклом и бросил его мне. Я поймала его на лету.

- Гашетка газа на правой рукоятке. Тормоз - на левой, - рублеными фразами сказал Фёдор, разворачиваясь в сторону большого металлического ангара. - Перепутаете их на крутом спуске в лог - свернете себе шею, и я даже хоронить вас не буду. Идемте.

Машина подо мной завибрировала, как огромный, агрессивный железный зверь. Первый шаг к таежному тайнику был сделан. В это самое время в десятках километров отсюда моя родная дочь Кира приземлялась в аэропорту, спеша помочь отцу законно запереть меня в клетке. Но они уже опоздали.

Глава 10. Анонимный удар

Двигатель двухтактной «Ямахи» взревел так, что мелкая дрожь отдалась в самых корнях зубов. Едкий, сизый выхлоп сгоревшего бензина ударил в ноздри, перебивая чистый морозный воздух. Триста килограммов мертвого, неповоротливого железа подо мной рвались вперед, с ревом рассекая снежную целину за питомником Фёдора. Ветер с Баренцева моря швырял жесткую снежную крошку прямо в визор шлема, залепляя обзор. Мои пальцы, скрытые толстыми перчатками, намертво вцепились в резиновые рукоятки руля.

- Корпус вправо! - рывкнул Лоскутов, стоя на широких подножках позади меня. Его голос с хрипотцой едва пробивался сквозь плотный слой защиты и рев мотора. - Вес переноси!

Но я опоздала на долю секунды. Широкая левая лыжа ухнула под обманчиво плотный наст, проваливаясь в рыхлый, как вата, глубокий пухляк. Снегоход резко накренился. Мышечной силы моих рук не хватило, чтобы вывернуть тугой руль обратно. Машина тяжело завалилась на левый бок, гусеница беспомощно взрыла снежную пыль, выплюнула напоследок облако сизого дыма и замерла.

Я тяжело прыгнула в сугроб по колено. Правый сустав тут же отозвался тупой, пульсирующей болью, напоминая о возрасте и стертых хрящах.

- Неплохо для первого раза, - Фёдор потянулся и заглушил мотор. Наступила звенящая, давящая на уши тишина. Он скрестил руки на груди, возвышаясь надо мной в своей потертой штормовке. - А теперь ставьте его на место.

- Сама? - ровно спросила я, хотя легкие горели от обжигающего морозного воздуха, а под плотной курткой по позвоночнику струился липкий пот.

- Вы же в тайгу собрались, а не по центральному проспекту за хлебом кататься. Там меня за спиной не будет. Беритесь за стропу и дергайте.

Никаких чудес из дешевых фильмов не произошло. Я не стала в одночасье ловкой экстремалкой, магическим образом сбросившей тридцать лет. Почти полчаса я выматывала себя, пытаясь сдвинуть железную тушу. Фёдор стоял рядом и методично, без тени жалости объяснял законы рычага. Оказалось, чтобы поднять тяжелый утилитарный снегоход из глубокого снега, не нужна грубая мужская дурь. Нужна жесткая спина, правильный упор ног в край застрявшей гусеницы и холодный расчет центра тяжести.

Когда «Ямаха» с глухим, тяжелым стуком наконец встала на обе лыжи, я не чувствовала ни рук, ни ног от усталости. Но внутри, под толстым слоем чужой куртки, росло острое, злое удовлетворение. Геометрия баланса покорила меня. Я могла укротить этот вес.

Через три часа я сидела за обшарпанным столом в читальном зале Центральной городской библиотеки. Идеаль-

ное, сонное место, где время остановилось еще в девяностых годах. Никаких цифровых следов, никаких современных камер видеонаблюдения над головой, только дремлющая в углу за кафедрой пожилая библиотечка в пуховой шали. Здесь пахло старой книжной пылью, высохшим клеем и кисловатой мастикой для паркета.

Я сидела в своем шерстяном пальто, не сдавая его в местный гардероб. Левую руку с вьевшимся в манжету бурым пятном собачьей крови я благоразумно спрятала под столешницу, действуя только правой. Быстро зарегистрировав абсолютно пустой, бессмысленный почтовый ящик на случайное имя, я достала из кармана юбки свою пластиковую флешку.

Металлический разъем тихо щелкнул. Экран мигнул, открывая доступ к черной бухгалтерии моего мужа.

Я не хакер. Я женщина, которая в бандитские девяностые ночами сводила мятые черновики и накладные в общую тетрадь на тесной кухне, пока муж договаривался с нужными людьми. Я умею читать цифры. И я действовала с хирургической точностью.

Мне не нужно было уничтожать империю Аркадия дотла прямо сейчас. Если я утоплю его полностью, он не побежит спасать наличные, а сядет с адвокатами в офисе. Мне нужно было создать ему максимальный уровень стресса. Перекрыть кислород так, чтобы у него началась паника.

Я методично, файл за файлом, выделила сканы поддельных накладных от фирм-однодневок, несколько таблиц с оф-

шорными переводами Лаванды на Кипр и выписки по фиктивным кредитам. Строго то, что подпадает под экономические преступления и моментально замораживает легальные счета до выяснения обстоятельств.

А вот папку с координатами заимки «Волчий клык» и черновики инвентаризации бумажной наличности я аккуратно обошла стороной. Эти деньги - мои. Государству совершенно незачем знать, что в тайге под скалой лежит сейф, доверху набитый плотными пачками пятитысячных купюр.

В адресной строке я вбила контакты регионального управления налоговой службы и отдела экономической безопасности. Кнопка «Отправить».

Зеленая полоска загрузки поползла по тусклому монитору. Она двигалась издевательски медленно из-за старого соединения, но с каждым процентом невидимая шелковая удавка на шее моего идеального мужа затягивалась все туже. Дождавшись надписи об успешной доставке письма, я закрыла все вкладки, вытащила накопитель и вышла из библиотеки на темнеющую, морозную улицу. Бомба была сброшена.

В нашей элитной квартире было тихо. Воздух казался неестественно сухим и перегретым после ревущего северного ветра. Подогрев полов из светлого керамогранита привычно обжигал ступни. Я первым делом встала под горячий душ, тщательно смывая с кожи запах двухтактного выхлопа и чужих ездовых собак, чтобы Аркадий, вернувшись, ничего не уловил. Затем проглотила двойную дозу сильного обезболи-

вающего. Мои колени и поясница гудели так, словно в суставы насыпали крупного битого стекла. Но расслабляться было рано.

Я прошла в просторную гардеробную комнату Аркадия.

Мой муж никогда не был бытовым инвалидом. Он сам собирал свои экспедиционные баулы, педантично раскладывая снаряжение и ухаживая за оружием. Подсунуть ему откровенный мусор, дырявые носки или старую куртку было невозможно - он бы заметил это еще на пороге квартиры. Действовать нужно было ювелирно.

Я открыла нижний ящик массивного дубового комода и достала его запасное базовое термобелье. Темно-зеленое, плотное. Стопроцентная шерсть мериноса высшей очистки со специальным плетением. Вещь, которая спасает жизнь, отводя влагу от тела в критический минус.

Следом я достала из своего пакета купленный по дороге домой дешевый комплект. Точно такой же темно-зеленый цвет. Похожий анатомический фасон. Но состав - стопроцентный китайский акрил.

Я села на пуфик, взяла тонкий металлический впарыватель для швов и аккуратно, петля за петлей, отпорол фирменные тканевые бирки с оригинала. Затем плотными, невидимыми стежками пришила их на воротник подделки.

Здесь, в теплой квартире с идеальным климат-контролем, китайский акрил казался мягким на ощупь и абсолютно нормальным. Аркадий, надевая его в нервной спешке перед

ночным выездом, не почувствует подвоха. Смертельная подлость этой ткани вскрыется только там, где мороз не прощает ни единой ошибки. При тяжелой физической нагрузке, откапывая сани или пробивая колею в тайге, дешевая синтетика не отведет пот от горячего тела. Она впитает его как губка, а потом мгновенно заледенеет жесткой коркой прямо на коже, жадно вытягивая из тела последние крупницы тепла.

Сложив фальшивку ровным квадратом, я убрала ее обратно в баул мужа. Настоящее термобелье из мериноса отправилось на дно моего холщового рюкзака, надежно спрятанного за коробками с зимней обувью.

Половина восьмого вечера. Я стояла на просторной кухне, методично завершая сервировку ужина. На кухонном острове из черного мрамора аппетитно дымилась свежезапеченная в фольге говядина с корнеплодами и чесноком. Я всегда была безупречной хозяйкой. Холодильник был полон продуктов, накрахмаленные салфетки сложены строгим уголком. Идеальный порядок и горячая, сытная еда - это те самые привычные декорации, которые годами усыпляли бдительность моего мужа.

Я придирчиво осмотрела стол. Специально, с холодным расчетом положила тяжелую серебряную вилку Аркадия с правой стороны тарелки, а нож - с левой. Дам ему повод снова тяжело, сочувственно вздохнуть о моей прогрессирующей рассеянности. Маска слабоумия должна сидеть на мне плотно, без единого зазора.

Настенные часы над хромированной вытяжкой тихо отсчитывали секунды.

Мой внутренний таймер работал синхронно с их механизмом. Прошло почти пять часов с момента моего визита в библиотеку. Письмо с вложениями уже давно распечатано дежурным налоговым инспектором, файлы проанализированы отделом безопасности. Маховик государственной машины обычно тяжел и неповоротлив, но если ему показать легкую, крупную добычу и готовые доказательства, он раскрывается с пугающей, сокрушительной скоростью. У них был конец квартала, им нужны были жирные показатели.

Завтра прилетает Кира. Аркадий думает, что завтра он начнет процесс моей принудительной госпитализации. Он абсолютно уверен, что все фигуры на доске расставлены по его правилам.

В коридоре раздался резкий, сухой лязг.

Кто-то с силой, нетерпеливо провернул ключ в замке нашей тяжелой бронированной двери. Затем еще раз, дергано и агрессивно. Замок поддался с неприятным металлическим скрежетом, дверь с глухим ударом распахнулась, впуская в душную прихожую сквозняк с холодной лестничной клетки.

Я замерла, аккуратно складывая льняное полотенце на мраморную столешницу. Мой пульс не ускорился, он просто перешел на холодный, размеренный ритм ожидания. Я стояла в идеальной тишине пахнущей мясом и специями кухни и ждала, в каком именно состоянии сейчас переступит этот

порог человек, чья жизнь в эту самую минуту с грохотом летит в пропасть.

Глава 11. Запах паники

- Какие, к черту, предписания?! Выводите серверы через резервные каналы! И скажи этой дуре, чтобы перестала мне названивать, я сам за ней заеду!

Хриплый, срывающийся на визг голос разорвал пропеченную, уютную тишину нашей квартиры. Металлический лязг дверного замка даже не успел отзвучать, а Аркадий уже ввалился в прихожую. Он не вошел элегантно, как делал это последние сорок лет, - он именно ввалился, тяжело ударив тяжелую бронированную дверь плечом.

Я стояла на кухне, опершись бедром о столешницу кухонного острова из черного мрамора. Воздух вокруг меня был густым и теплым. Пахло свежезапеченной говядиной, веточками розмарина, чесноком и накрахмаленными льняными салфетками. Идеальные декорации безупречной семейной жизни, которые я выстраивала десятилетиями. Но человек, который только что пересек порог, разрушил эту хрупкую иллюзию одним своим присутствием.

Аркадий забыл разуться. Для мужчины, который всегда маниакально следил за чистотой своих дорогих итальянских туфель и брезгливо морщился, если я оставляла каплю воды на хромированном кране раковины, это было равносильно публичной истерике. Он прошел прямо в коридор в тяжелых зимних ботинках. Светлый, девственно чистый кера-

могранит с подогревом мгновенно начал плавить налипший на подошвы снег. Грязная, разъедающая химическая жижа с городских дорог потекла по моему полу темными, уродливыми ручейками.

Мой внутренний сканер, натренированный на чтение изнанки чужих пальто в подвале торгового центра, мгновенно зафиксировал изменения. От моего мужа больше не пахло элитным кубинским табаком, спокойной уверенностью и дорогой немецкой оружейной смазкой. Система дала критический сбой. От него несло адреналином, мокрой шерстью уличной одежды и резким, кислым потом человека, которого внезапно загнали в угол. Этот животный запах страха пробивался сквозь его тяжелый парфюм, делая общий аромат тошнотворно сладким.

Он сбросил звонок, с такой силой нажав на экран, что едва не раздавил телефон в кулаке. Поднял глаза на меня. Его холеное лицо пошло некрасивыми, багровыми пятнами, знаменитая седая шевелюра растрепалась. «Серебряный лис», хозяин жизни и гениальный кукловод, дал огромную трещину.

Анонимное письмо с черной бухгалтерией, которое я отправила с чужого компьютера в библиотеке несколько часов назад, сработало как идеальный детонатор. Налоговая служба и отдел экономической безопасности не стали ждать конца недели. Они ударили по площадям, моментально перекрывая ему доступ к легальным и полулегальным счетам

компании.

- Кто был в доме?! - прошипел он, стремительно направляясь на кухню. Он даже не попытался снять мокрое кашемировое пальто.

Аркадий навис над мраморным островом. Ему физически нужна была жертва. Его раздутое мужское эго просто не могло признать, что его переиграли, что кто-то оказался умнее, быстрее и жестче. Он не мог поверить, что Лаванда или ее никчемный брат Эрик могли сдать его так быстро, ведь они сами были в доле. Значит, его паникующий мозг судорожно искал самую удобную, самую безответную мишень.

- Я спрашиваю, кто заходил в квартиру сегодня днем?! - он ударил кулаком по столешнице так, что тонко звякнули хрустальные бокалы. - Вспоминай, Даша, твою мать! Сантехники? Газовщики? Курьер с твоей дурацкой пряжей? Кому ты, идиотка, открыла дверь и забыла закрыть замок?! Кто заходил в мой кабинет?!

Вот как работает искаженный газлайтинг в момент абсолютной паники. Он так долго и старательно убеждал меня и всех вокруг в моем старческом маразме, что теперь сам полностью поверил в собственную ложь. Он искренне пытался натянуть реальность на свой спасительный сценарий: сумасшедшая жена по глупой рассеянности пустила в дом промышленных шпионов или следователей, которые тихо скопировали данные с его рабочего компьютера.

Я не стала гордо выпрямлять спину. Я не окатила его пре-

зрительным, всезнающим взглядом и не произнесла пафосных речей о том, что это именно я хладнокровно уничтожила его империю. Север учит нас не делать лишних движений, пока хищник не провалится под лед окончательно.

Я мгновенно надела свою привычную маску. Вжала голову в плечи, заставила кисти рук мелко, старчески задрожать. Мой взгляд стал растерянным, мутным и расфокусированным. Я отступила на полшага, словно испуганная шумом птица.

- Аркаша... я ничего не понимаю, - мой голос сорвался на тихий, жалобный лепет. Я перевела глаза на идеально сервированный стол. - Я никого не пускала. Никто не звонил в дверь. Смотри, я тебе мясо запекла. Только вот... вилку, кажется, не с той стороны положила. Справа нож должен быть, да? Или вилка? У меня так гудит в ушах от перемены погоды. Давление, наверное. Ты дашь мне мои таблетки?

Вид покорной, шамкающей старухи, которую волнуют перепутанные столовые приборы в тот самый момент, когда рушится его финансовая империя, сорвал Аркадию последний стоп-кран.

Он издал глухой звук, похожий на рычание задыхающейся от злости собаки. Сделал резкое, совершенно неконтролируемое движение предплечьем.

Никаких кинематографических пауз или замедленной съемки. Тяжелая фарфоровая тарелка с безупречным куском говядины с глухим, влажным стуком улетела на пол. Фарфор

брызнул во все стороны острыми белыми осколками. Кусок мяса тяжело шлепнулся на керамогранит, горячий мясной сок и застывающий жир разлетелись по полу, забрызгав мои мягкие домашние туфли.

- Хватит! - заорал он, брызгая слюной. - Меня тошнит от тебя! Тошнит от твоего кретинизма, от твоего бессмысленного бормотания! Ты уничтожила всё своей тупостью!

Я стояла с опущенной головой, глядя на растоптанный кусок мяса у своих ног. Внутри меня не было ни жгучей обиды, ни страха. Там царила абсолютная, кристальная геометрия холодной пустоты. Я видела перед собой не грозного тирана, не вершителя судеб, а жалкого труса, который бьет тарелки на собственной кухне от бессилия.

Он тяжело, со свистом втянул воздух через нос, пытаясь вернуть физиологический контроль над сбившимся дыханием. Отвернулся от лужи жира на полу, словно это было не его рук дело.

- У меня экстренная ситуация на базе, - сухо, отрывисто бросил он, уставившись в стену над вытяжкой. - Я уезжаю. Нужно спасти остатки поставок, пока эти стервятники в погонах всё не опечатали.

Он сделал короткую паузу, повернул голову и посмотрел прямо на меня. В его взгляде больше не было того бархатного, деланного сочувствия, которым он угощал меня на людях. Там была голая, расчетливая жестокость человека, избавляющегося от мертвого балласта.

- Я позвонил Кире еще из машины. Она прилетает завтра первым утренним рейсом, - чеканя каждое слово, произнес муж. - Документы на психиатрическую комиссию в клинику готовы. Я обо всем договорился, пока ехал. Она приедет прямо сюда с врачами, заберет тебя и оформит стационар. Из дома не выходить. Дверь я запираю.

Он не ждал ответа или возражений. Резко развернулся и быстрым, нервным шагом направился по коридору в свою просторную гардеробную комнату.

Он катастрофически торопился. Ему нужно было добраться до Лаванды, угнать снегоход и забрать наличные из таежного сейфа на заимке до того, как следователи вскроют его скрытые активы и закроют выезды из города. Погода за окном стремительно портилась, надвигалась обещанная синоптиками черная пурга, но липкий страх перед тюрьмой гнал его в тайгу сильнее любого арктического шторма.

Я тихо подошла к открытой двери гардеробной и замерла в густой тени коридора.

Аркадий никогда не был беспомощным бытовым инвалидом. Он не кричал с дивана, чтобы я собрала ему сумку. Он действовал сам. Он вытащил с верхней полки тяжелый водонепроницаемый экспедиционный баул и начал остервенело бросать в него вещи. Флисовые кофты, мембранные штаны, запасные перчатки, толстые носки. Его движения были быстрыми, выработанными годами зимних охотничьих сборов. Но это была мышечная память человека, находящегоо-

ся в состоянии тяжелого, ослепляющего стресса. Мозг, перегруженный паникой, пропускал критически важные детали.

Я смотрела, как его правая рука тянется к нижней полке массивного дубового комода. Туда, где лежало запасное термомобелье.

Мое дыхание стало ровным, почти незаметным.

Его напряженные пальцы схватили свернутый темно-зеленый квадрат. Тот самый китайский дешевый акрил, на который я днем собственноручно, стежок за стежком, перешила фирменные бирки, надежно спрятав оригинальную мериносовую шерсть на дне своего собственного рюкзака.

Человек в спокойном состоянии мгновенно отличил бы благородную, мягкую тяжесть натуральной шерсти от неприятного, едва слышного скрипа синтетики под пальцами. Но Аркадий не был спокоен. Он даже не посмотрел на ткань. Он просто скомкал белье и затолкал его на самое дно баула, сверху небрежно бросив запасные аккумуляторы для фонаря и коробку с патронами.

Я мысленно поставила галочку в своей невидимой ведомости. Капкан захлопнулся. На морозе в минус тридцать, при тяжелейшей физической нагрузке, когда он начнет откапывать застрявший снегоход или вытаскивать железные ящики с деньгами из промерзшего подпола, эта дешевая ткань станет его персональным, безжалостным палачом. Она впитает горячий пот и мгновенно замерзнет на его коже жесткой ледяной коркой, методично, минута за минутой, вы-

тягивая тепло из его идеального тела.

Он застегнул тугую молнию баула с резким треском. Подхватил тяжелую сумку за лямки, вышел в коридор, даже не взглянув в мою сторону.

- Не вздумай устраивать истерики перед Кирой, - бросил он уже стоя в дверях. - Просто сделай то, что она скажет. Это для твоего же блага.

Тяжелая бронированная дверь с силой захлопнулась, отрезая его от моего мира. Я услышала, как ключ дважды провернулся в верхнем, сувальдном замке. Это был специальный двусторонний механизм - без ключа изнутри его невозможно было открыть никакой обычной квартирной вертушкой. Он действительно запер меня снаружи, свято уверенный в том, что сумасшедшая старуха будет покорно сидеть на кожаном диване и смиренно ждать бригаду санитаров.

Квартира погрузилась в гудящую, ватную тишину. Гудел дорогой холодильник, тихо шипела климатическая система под потолком.

Я не стала медленно оседать на пол. Я не побежала к окну, чтобы трагично провожать взглядом его отъезжающую машину, и не стала картинно заламывать руки от обиды на предавшую меня дочь. На Севере лишние, пустые эмоции сжигают калории. А энергия мне была сейчас жизненно необходима.

Я развернулась и пошла в хозяйственную кладовку. Достала оттуда рулон плотных бумажных полотенец, щетку с

жесткой щетиной и флакон сильнопахнущего средства для мытья полов. Вернулась на кухню.

Я медленно опустилась на колени перед лужей застывающего жира и грязной химической воды, натекашей с его ботинок. Мои суставы, изношенные годами стоячей работы за стойкой гардероба, немедленно отозвались тупой, ноющей болью. Но двойная доза обезболивающего, которую я выпила после тренировки на снегоходе, еще работала, притупляя рези в хрящах.

Я методично, движение за движением, начала оттирать керамогранит. Собрала куски испорченного мяса. Смела белые, острые осколки фарфоровой тарелки в совок. Густая пена моющего средства быстро разъедала грязные разводы. Запах едкой лимонной химии агрессивно вытеснил из кухни остатки аромата жареной говядины и въевшиеся следы мужского пота.

Мои руки двигались ритмично, подчиняясь строгой внутренней математике. Круговое движение, жесткий нажим, сбор влаги. Мы, женщины, десятилетиями оттираем грязь за нашими мужьями. Отмываем их запачканную обувь, зачищаем их эмоциональные срывы, молча прячем осколки их истерик в мусорное ведро, чтобы сохранить фасад нормальной семьи перед соседями и друзьями. Но сейчас это было не просто наведение порядка. Это было физическое, осязаемое стирание Аркадия из моего пространства. Я отмывала свою территорию от его страха и его циничного предательства. Я

убирала за ним в самый последний раз.

Я терла пол до тех пор, пока светлая плитка не зазаскрипела под бумажным полотенцем от абсолютно идеальной, стерильной чистоты. Ни единого грязного следа. Ни единого доказательства того, что здесь только что с грохотом рушился чей-то искусственно выстроенный мир.

Поднявшись на ноги, я выбросила скомканные, влажные полотенца и осколки фарфора в мусорное ведро. Плотно завязала серый пластиковый пакет.

Я подняла голову и посмотрела на светящиеся зеленые цифры электронных часов, встроенных в панель духового шкафа. Двадцать часов сорок минут.

У меня оставалось чуть меньше двенадцати часов до того момента, как моя собственная дочь нажмет на кнопку дверного звонка. Моя Кира. Девочка, которой я когда-то ночами вязала крошечные носочки из козьего пуха и чьи разбитые на горке коленки бережно мазала зеленкой. Завтра она переступит этот порог вместе с чужими, равнодушными людьми в белых халатах, чтобы навсегда вычеркнуть меня из списка живых, дееспособных людей. Она хладнокровно выполнит приказ отца, даже не подозревая, что отец прямо сейчас бросил ее саму разбираться с полицией и долгами, сбегая в тайгу за черной кассой.

Мой взгляд скользнул к окну. За тройными, непроницаемыми стеклопакетами высокие уличные фонари раскачивались из стороны в сторону, вырывая из кромешного мрака

густые, горизонтальные потоки колючего снега. Штормовое предупреждение не врало. Ветер с Баренцева моря стремительно набирал сокрушительную силу, готовясь превратить город в слепую ледяную ловушку.

Я вымыла руки теплой водой. Насухо вытерла их чистым полотенцем. Затем опустила ладонь в глубокий карман домашнего кардигана и нащупала там жесткий, шероховатый прямоугольник крафтового картона. Визитка Фёдора Лоскутова. Единственного человека в этом городе, который не задавал лишних вопросов и знал, как выжить там, где заканчивается очищенный асфальт.

Аркадий запер дверь на верхний замок, но он почему-то забыл, что я всю свою жизнь педантично вела домашнюю бухгалтерию и оплачивала счета за ремонт в этой квартире. В нижнем ящике моего комода, среди старых квитанций за электроэнергию, лежал запасной технический ключ от этой самой сувальдной скважины, которым пользовались рабочие во время установки двери пять лет назад.

Я не собиралась дожидаться утреннего рейса из Санкт-Петербурга. Мои сборы будут максимально быстрыми и эффективными. Мне нужна была моя настоящая, непродуваемая одежда из шерсти мериноса, крепкие ботинки на рифленной подошве, длинные стальные спицы и остаток наличных денег из тайника в раздевалке.

Таймер обратного отсчета пошел на убыль. Долгая, унижительная игра в безумие закончилась. Завтра утром, когда

моя дочь откроет эту дверь своими ключами в компании санитаров, она найдет здесь только идеальную чистоту и пустую квартиру.

Глава 12. Разрезанная пуповина

Забавно, как легко стирается из памяти мышечный ритм походки собственного ребенка. Я могу с закрытыми глазами, по одной вибрации пола отличить тяжелую, властную поступь Аркадия от шарканья соседей по лестничной клетке. Но когда в скважине верхнего замка повернулся чужой ключ, мне понадобилась целая секунда, чтобы узнать этот дерганный, нетерпеливый поворот кисти.

Половина восьмого утра. Я стояла в идеальной тишине нашей прихожей, опершись поясницей о тумбу для обуви. На мне было мое плотное прямое пальто из темно-серой шерсти, наглухо застегнутое на все пуговицы. В глубоком кармане лежали длинные стальные спицы и моток мериносовой пряжи, а под подкладкой сумки был надежно спрятан мой личный паспорт. Я не спала ни минуты, но мой разум был кристально чистым.

Дверь распахнулась, впуская в перегретый, душный аквариум квартиры ледяной сквозняк и гулкий вой ветра с лестничного пролета. Шторм, который синоптики обещали городу, уже начал пожирать улицы.

На пороге стояла Кира.

Моя 35-летняя дочь. Девочка, которой я когда-то ночами вывязывала крошечные пуховые носочки, чтобы она не простужалась на сквозняках в нашей первой, продуваемой все-

ми ветрами однушке. Сейчас на ней был дорогой пуховик жемчужного цвета, на волосах таяли мелкие, жесткие снежинки, а от воротника пахло кофе из аэропорта и тяжелым селективным парфюмом.

Кира шагнула внутрь и осеклась. Ее ухоженное лицо вытянулось. Отец по телефону обещал ей встречу с безумной, деградирующей старухой, которая бродит по дому в ночной рубашке и разговаривает с микроволновкой. Но перед ней стояла абсолютно собранная женщина с прямой спиной и ледяным, сканирующим взглядом.

- Мама? - ее голос дрогнул, выдавая растерянность. Она бросила быстрый взгляд на мои идеально чистые полы, словно искала следы вчерашнего погрома, о котором ей в красках расписал Аркадий. - А ты... ты почему одета в такую рань?

- Жду тебя, - ровно ответила я. Мой голос прозвучал сухо, без единой теплой интонации. - Разувайся, Кира. С твоих сапог течет реагент.

Дочь инстинктивно топнула ногой о коврик, но тут же взяла себя в руки. Она вспомнила, зачем прилетела. Вспомнила свою роль в этом спектакле, щедро оплаченную отцом. Кира расстегнула сумку и решительным жестом достала оттуда несколько плотных глянцевых буклетов.

- Мама, нам нужно серьезно поговорить, - она сделала шаг ко мне, понизив голос до того самого бархатного, сочувствующего тона, которым так виртуозно владел Аркадий. Генетика сработала безупречно. - Папа рассказал мне про вче-

рашнее. Про скандал с инженером, про твои галлюцинации. Это уже не шутки. Ты опасна для себя самой.

Она протянула мне буклеты. На плотном картоне зеленели сосны и улыбались люди в белых халатах. Элитный психоневрологический интернат закрытого типа.

- Мы нашли прекрасное место в Ленинградской области. Там свежий воздух, терапия, круглосуточный уход. Внизу, в машине, ждет доктор Маевский. Папа договорился, он проведет первичный осмотр здесь, дома, мы подпишем согласие на мягкое лечение, и ты поедешь со мной...

Я не стала бить ее по рукам. Не стала кричать о предательстве, рвать глянцевую бумагу или взывать к материнской любви. Дешевые театральные эффекты сжигают калории и лишают рассудок необходимого фокуса.

Я просто смотрела на нее. На часы швейцарского бренда, поблескивающие на ее левом запястье - подарок отца на прошлый день рождения. На ключи от новенькой квартиры на Петроградке, которые звякнули в ее сумке.

В этот момент внутри меня произошло нечто исключительно физиологическое. Женщины часто говорят о невидимой пуповине, которая вечно связывает мать и ребенка. Я почувствовала ее натяжение. А затем почувствовала, как эта связь стремительно промерзает. Кровь в ней остановилась, кристаллизовалась в лед, и пуповина с сухим, беззвучным хрустом сломалась пополам.

Моя дочь не была обманутой наивной девочкой. Она была

прагматиком. Аркадий богат, успешен и силен. А я, в ее картине мира, - увядающий балласт, не имеющий ни влияния, ни собственных денег. Кире было элементарно выгодно верить в мое сумасшествие. Выбрать сторону победителя - это базовый инстинкт выживания, и я не собиралась винить ее за то, что она оказалась достойной дочерью своего беспринципного отца.

Но я больше не собиралась быть их жертвой.

- Твой отец сейчас далеко, Кира, - мой голос упал на тон ниже, заполняя прихожую холодным, структурированным спокойствием. Я не отвела глаз. - Он сбежал ночью. Взял снегоход и ушел в тайгу.

Кира замерла. Буклеты в ее руке чуть дрогнули.

- Что ты несешь? - она нервно сглотнула. - Куда сбежал? Он звонил мне вчера вечером, сказал, что утром встретит меня в аэропорту...

- Планы поменялись, - я аккуратно обошла ее, направляясь к зеркалу, чтобы поправить шарф. - Вчера днем на столы следователей отдела экономической безопасности легли подробные выписки с его офшорных счетов на Кипре. Все его фирмы-однодневки вскрыты. Легальные счета заморожены. Твой папа не будет встречать тебя в аэропорту, потому что ему светит очень долгий тюремный срок за мошенничество и уклонение от налогов в особо крупных размерах.

Я повернулась к ней. Лицо Киры стало пепельно-серым. Глянцевый лоск слетел с нее за секунду, обнажив испуган-

ную, растерянную женщину.

- Ты... ты бредишь, - прошептала она, отступая на шаг. Но ее рука уже судорожно тянулась в карман за телефоном.

Она быстро набрала номер. Я молча наблюдала, как она прижимает трубку к уху. Секунда. Вторая. И механический голос оператора, который я могла расслышать даже с пары метров, бесстрастно сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети. В тайге, в ста километрах от города, сотовые вышки не работают.

- Папа... - Кира тупо уставилась на погасший экран смартфона.

Она начала складывать детали. Отсутствие отца в аэропорту. Его спешка. И мое абсолютно, пугающе нормальное состояние. Идеальный сценарий Аркадия рухнул прямо у нее на глазах. Дочь поняла, что отец просто бросил ее здесь, одну, разгрести последствия своего краха.

- Доктор Маевский может не подниматься, - будничным тоном продолжила я. - Если вы попытаетесь силой увезти меня в клинику, я устрою скандал прямо во дворе. Приедет полиция. А полиция сейчас очень пристально следит за каждым движением семьи Наумовых. Хочешь стать соучастницей похищения человека в день, когда империя твоего отца пошла на дно? Уверена, что это хорошо скажется на твоей карьере в Питере?

Кира молчала. Она смотрела на меня широко открытыми глазами, словно видела впервые в жизни. Возможно, так

оно и было. Она привыкла видеть удобную, молчаливую прислугу, вяжущую свитера в углу дивана. Она никогда не знала женщину, которая в девяностые вела черную бухгалтерию среди бандитов.

- Сменщица заболела, - я произнесла это абсолютно ровно, выдавая ей свою легенду. Мне нужно было легально оказаться в торговом центре. - Дирекция попросила подменить. Я выхожу в гардероб. Чай на плите еще теплый. Если хочешь делить имущество - встретимся в суде, когда твоего отца поймают.

Я достала из кармана свою связку ключей. Отделила от брелока длинный ключ от верхнего замка, которым Аркадий вчера запер меня, и с тихим металлическим звоном положила его на стеклянную консоль у зеркала.

Мне они больше не понадобятся. Я вычеркнула эту квартиру из своей жизни так же легко, как только что вычеркнула дочь.

Я прошла мимо Киры. Действие вчерашних обезболивающих заканчивалось, и мое правое колено отозвалось тупой, тянущей болью, но осанка осталась безупречной. Открыла тяжелую дверь и вышла на лестничную клетку.

Спустившись на первый этаж, я краем глаза заметила припаркованный у подъезда темный тонированный седан. Внутри на пассажирском сиденье курил мужчина в дорогом пальто - тот самый нанятый психиатр. Я даже не повернула голову в его сторону.

Я толкнула металлическую дверь подъезда и шагнула прямо в ревущую, черную пасть полярной пурги. Ледяная крошка немедленно хлестнула по лицу, пытаясь выбить из легких кислород. Ветер взвыл, швыряя снег параллельно земле. Город слеп и погружался в хаос.

Но я не чувствовала холода. Мои ботинки на толстой рифленой подошве уверенно встали на обледенелый тротуар. Я шла к торговому центру «Северное сияние», оставляя за спиной сорок лет фальшивой жизни. Мой компас теперь указывал только в одном направлении. На Север. И прямо к тайнику.

Глава 13. Черная пурга

- Внимание всем жителям региона. Главное управление МЧС предупреждает: объявлен красный уровень метеорологической опасности. Надвигается штормовой циклон. Ожидается ураганный ветер порывами до тридцати пяти метров в секунду и обильные снегопады. Видимость на дорогах менее десяти метров. Убедительная просьба не покидать свои дома, воздержаться от поездок на личном транспорте...

Металлический, лишенный любых интонаций голос диктора пробивался сквозь треск старого радиоприемника, стоявшего на столе у администратора гардероба. Михалыч сегодня даже не спустился в свой цокольный этаж, застряв где-то в дорожной пробке на подъезде к торговому центру.

Я сидела на своем высоком рабочем стуле за пластиковым барьером. В воздухе висел тяжелый, сухой запах озона от дешевого электрического обогревателя, который я включила на полную мощность. Торговый центр «Северное сияние» сегодня напоминал вымерший бетонный склеп. Из-за обрыва проводов на городской подстанции основное освещение отключили еще час назад. Под потолком мигали только тусклые желтые лампы аварийного контура, бросая на глянцевоый пол длинные, ломаные тени. Эскалатор стоял. Город стремительно замирал, сворачивался в позу эмбриона, готовясь принять удар стихии.

Для нормальных людей этот сухой голос из радиоприемника означал катастрофу. Отмененные планы, холодные батареи, страх перед обморожением. Для меня он звучал как идеальный метроном, отсчитывающий время до финала моей собственной партитуры. Природа начала свою игру, и эта слепая, ревушая сила была сейчас моим главным союзником.

Тишину подвала разорвал грохот.

Кто-то бежал вниз по остановившимся металлическим ступеням эскалатора, спотыкаясь и тяжело, с присвистом хватая ртом воздух.

Из полумрака к моей стойке вывалился Эрик. Он выглядел так, словно его пропустили через стиральную машину с камнями. Его тонкая зеленая городская куртка, в которой я видела его у мусорных баков, была насквозь мокрой от растаявшего снега. На левой скуле наливалась багровым цветом свежая ссадина, а глаза лихорадочно бегали, не в силах сфокусироваться на одной точке. От него разило кислым запахом немытого тела, табаком и концентрированным животным ужасом.

Он вцепился грязными пальцами в гладкий пластик барьера, едва удерживаясь на ногах.

- Началось... - выдохнул он, роняя слюну на стойку. - Все, конец. Они приехали.

Я не шелохнулась. Мои руки, лежащие на коленях, остались абсолютно неподвижными.

- Дыши носом, Эрик, - ровно произнесла я. - И говори

фактами. Кто приехал?

- ОБЭП! - его голос сорвался на визг, эхом отскочив от низкого потолка гардероба. - Прямо с утра! Два микроавтобуса с масками подлетели к центральному офису «Арктик-Хантер». Вчера вечером они только электронные счета заблокировали, а сегодня нагрянули физически! Опечатали всё. Склады, бухгалтерию, серверную. У них на руках постановления, выписки с кипрских переводов. Кто-то слил им всю базу Насти!

Он затрясся крупной, уродливой дрожью. Городская шпана, привыкшая воровать по мелочи, впервые столкнулась с перемалывающими жерновами государственной машины.

- А твой начальник? - я чуть наклонила голову, сканируя его реакцию. - Что сделал Аркадий?

При упоминании моего мужа лицо Эрика исказилось судорогой.

- Старик окончательно слетел с катушек! - выплюнул парень, озираясь по сторонам, словно полиция могла выскочить прямо из пустых рядов с вешалками. - Он всю ночь торчал в ремзоне, жег какие-то бумаги в бочке. Когда начался шмон, он был белый как мел, орал так, что у него вены на шее вздулись. Он понял, что у него осталась только та наличка, что на заимке.

Эрик судорожно сглотнул, размазывая грязь по лицу дрожащей рукой.

- Он сорвал пломбы следователей с ворот заднего гаража.

Взял тяжелый «Викинг» - тот самый утилитарник, который я ему готовил. Настя пыталась его остановить! Она кричала, что мы должны ехать на двух легких машинах, как она договаривалась со мной! А он просто швырнул ее на сиденье, прицепил волокуши с пустыми баулами и рванул прямо через промзону в сторону тундры. В самый шторм! Он бросил меня здесь!

Внутри меня не дрогнул ни один мускул. Картинка сложилась с идеальной, пугающей точностью.

Мой идеальный муж, великий комбинатор и манипулятор, который полгода методично и хладнокровно выстраивал декорации моего безумия, сломался за одни сутки. Встретившись с реальной угрозой тюрьмы, он потерял свой лоск и свою расчетливость. Он превратился в обычную крысу, бегущую с тонущего корабля. И в своей слепой панике он совершил фатальную ошибку - он поехал на тяжелой технике в эпицентр «черной пурги», будучи одетым в дешевый китайский акрил, который я вчера заботливо положила на дно его экспедиционного баула.

Синтетика не отводит влагу. Как только он начнет вытаскивать свой снегоход из первого же глубокого снежного перемета, он вспотеет. Акрил впитает воду, и через час на морозе Аркадий окажется закован в ледяной панцирь, который вытянет из него последнее тепло. Механика Севера работает без сбоев.

- Вы должны мне помочь! - Эрик ударил кулаком по стой-

ке, возвращая меня в реальность. Его глаза сузились, наполнившись отчаянной агрессией. - Настя меня кинула. Полиция ищет всех, кто проводил левые накладные. А вечером меня найдут те отморозки, у которых вы меня выкупили! Дайте мне денег! Отдайте то, что у вас еще осталось, мне нужно уехать из города прямо сейчас, пока трассы не перемело окончательно!

Я посмотрела на него. Взглядом человека, который читает изнанку бракованной, гнилой ткани.

- Я откупила твою жизнь от бандитов в обмен на информацию, - мой голос прозвучал тихо, но Эрик мгновенно перестал кричать. - Сделка закрыта. Я не благотворительный фонд. Растворись. Твой поезд уходит, и если ты не успеешь на него сесть - это твои личные проблемы.

Его челюсть отвисла. Он смотрел на меня так, словно перед ним внезапно вырос бетонный столб. Городские мальчишки искренне верят, что мир им всегда должен. Что можно предать сестру, влезть в долги, поучаствовать в криминальной схеме, а потом просто попросить денег у женщины, чью жизнь они помогали уничтожать, и получить желаемое.

Лицо парня внезапно исказилось злобой. Страх выгорел, оставив после себя только дикий инстинкт выживания.

- Ах так... - прошипел он, отступая от барьера. - Сделка закрыта? Ну и хрен с вами! Настя и старик сдохнут там, в пухляке! А я знаю, где лежат деньги! Я сам до них доберусь! Найду собак, найду транспорт и заберу всё! И вы меня не

остановите, старая стерва!

Он резко развернулся и бросился вверх по остановившемуся эскалатору, перепрыгивая через две ступени. Его шаги гулким эхом затихли в пустом фойе первого этажа.

Я проводила его взглядом, анализируя переменные. Эрик в отчаянии. У него нет денег на аренду техники, у него нет опыта выживания, но он знает, что единственный транспорт, который не глохнет в пургу - это упряжка собак. И он знает, где находится ближайший питомник. В голове мгновенно выстроилась траектория его следующего шага. Он понесется к Фёдору.

В ту же секунду в глубоком кармане моего пальто сухо завибрировал старый кнопочный телефон.

Я достала аппарат. На тусклом дисплее высветился незнакомый номер. Нажав кнопку приема, я поднесла пластик к уху.

Сквозь динамик в мой тихий подвал ворвался рев. Это был многоголосый, яростный лай нескольких десятков маламутов, перекрываемый свистом ветра.

- Дарья, - голос Фёдора Лоскутова прозвучал низко, как удар тяжелого колокола. В нем не было ни паники, ни суеты, но была жесткая, требовательная вибрация человека, которому только что наступили на большую мозоль.

- Слушаю, Фёдор, - ровно ответила я.

- Полчаса назад у меня на базе были гости, - его слова падали тяжело, как камни. - Два оперативника в штатском и

местный участковый. Искали седого бизнесмена по фамилии Наумов. Расспрашивали про тяжелый прицеп с эмблемами «Арктик-Хантер», который кто-то бросил на обочине трассы всего в километре от моих ворот. Твой муж скинул балласт у выезда из города и ушел в снег.

Я молчала. Фёдор не был дураком. Он жил на Севере достаточно долго, чтобы уметь читать следы не только на снегу, но и в человеческих поступках.

- Вчера ко мне приходит женщина с плотной пачкой наличности, - продолжил каюр, и в его тоне прорезалась сталь. - Женщина, которая умеет шить рваные раны наживую и не моргает, когда тяжелый снегоход валится на бок. Она просит научить ее управлять техникой, ссылаясь на старческую блажь. А сегодня утром полиция ищет ее мужа, который сбегает в тайгу перед самым штормом.

Собаки на заднем фоне снова сорвались на яростный визг. Фёдор сделал короткую паузу, перекрывая их шум.

- Во что ты меня втянула, Дарья? - спросил он. Это был не вопрос жертвы. Это был вопрос партнера, требующего открыть карты.

Я не стала юлить. Я не стала придумывать новые легенды про маразм или семейные неурядицы. Мое время вышло, и время игр закончилось.

- Я буду у вас через сорок минут, - мой голос был твердым и абсолютно спокойным. - До моего приезда никому не отдавайте собак. Ни за какие деньги. Особенно, если у ваших

ворот появится молодой, трясущийся парень в тонкой зеленой куртке.

Я нажала кнопку сброса до того, как он успел ответить.

Механизм был запущен. Шестеренки пришли в движение, и остановить их было уже невозможно. Я заперла кассу и отошла в глубокую, неосвещенную часть подсобки гардероба. Пора было сбросить старую кожу.

Мои движения были методичными, лишенными какой-либо театральности. Я расстегнула плотную серую блузку униформы гардеробщицы. Ткань, пропитанная запахом чужой мокрой овечьей шерсти и пережженного кофе, скользнула по плечам и упала на старый ящик. Я стянула серую юбку с жесткими стрелками.

Открыв свою личную сумку, я достала настоящий, оригинальный комплект термобелья из чистой шерсти мериноса. Шерсть приятно, плотно обхватила мое тело, мгновенно создавая правильный микроклимат. Сверху я надела толстый, связанный собственными руками свитер с глухим воротом, который надежно закрыл горло. Затем вошла в плотные мембранные брюки и заново зашнуровала массивные ортопедические ботинки на толстой рифленой подошве.

Сняв с вешалки свое тяжелое, прямого кроя шерстяное пальто, я накинула его поверх экипировки.

Последний штрих. Я опустила руку на дно сумки, достала длинные, холодные стальные спицы и моток темно-синей мериносовой пряжи. Мой оберег. Мой инструмент сохране-

ния реальности. Спицы легли в глубокий внутренний карман пальто, прижавшись к бедру.

Я подошла к пластиковой стойке барьера. Выложила из ящика тяжелый латунный номерок с выбитой цифрой сорок два. Тот самый номерок, который запустил всю эту цепную реакцию. Я положила его на гладкий пластик. Рядом с ним легла связка моих служебных ключей от раздевалки и кассы. Металл тихо звякнул, ставя финальную точку.

Я больше не была функцией. Я больше не была прозрачным стеклом, через которое люди смотрели, не замечая человека. И я больше не была покорной женой, ждущей своей очереди на утилизацию в психиатрический интернат.

Я развернулась и пошла к остановившемуся эскалатору. Мое правое колено тут же отозвалось тупой, тянущей болью, напоминая о стертых хрящах и шестидесяти пяти годах жизни. Я не была супергероем из кино, внезапно обретшим молодость. Мое тело болело, мышцы ныли, а впереди меня ждал ад. Но внутри меня, в самом центре грудной клетки, горела абсолютно ровная, ледяная звезда структурированной ярости.

Поднявшись на первый этаж, я подошла к выходу. Стекланные автоматические двери торгового центра с легким шипением разъехались в стороны.

Удар был физическим.

Черная пурга обрушилась на меня стеной. Ветер с Баренцева моря ревел так, словно тысячи голодных зверей вырва-

лись из ледяной преисподней. Он ударил в грудь, мгновенно выбив воздух из легких. Жесткая, мелкая снежная крошка хлестнула по лицу, разрезая кожу. Видимость была почти нулевой. Высокие уличные фонари раскачивались на своих ржавых столбах, их желтый свет вяз в белой, крутящейся мгле, не в силах пробиться дальше пары метров. Город перестал существовать.

Я сделала вдох, чувствуя, как морозный озон обжигает гортань. Мой муж сейчас ехал в самое сердце этого кошмара, наивно полагая, что спасает свою жизнь и свои деньги. Он думал, что оставил все проблемы в теплом городе.

Он глубоко ошибался. Его главная проблема сейчас натягивала шерстяной шарф до самых глаз.

Я наклонила голову против ветра, уперлась ботинком в намерзший лед тротуара и сделала свой первый, тяжелый шаг в ревущую белую тьму.

Глава 14. Ц

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.